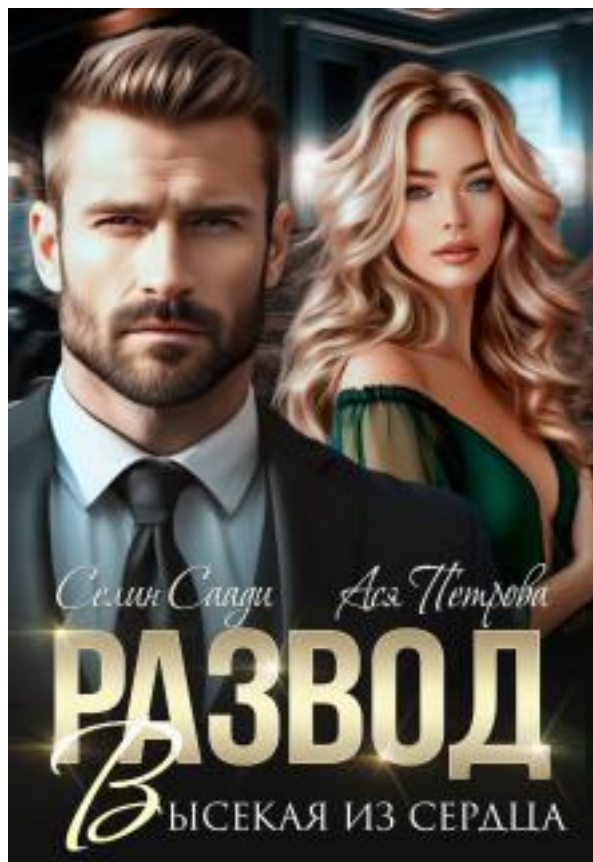

Селин Саади

Развод. Высекая из сердца

<https://litres.ru/74215527>

Аннотация

— Там, мам...— хмурюсь, присаживаясь напротив дочери: — Там папа... — Да, он же остался работать в номере. — улыбаюсь, все еще не разобравшись в чем дело. — Но он не работает. — отвечает, а я смахиваю это снова на ее обиду. — Ну, а что он делает, Ариш? — Он там девушку целует... — на словах ребенка, сказанных шепотом, замираю. Мы любим друг друга со школьных времен, воспитываем одиннадцатилетнюю дочь, а сейчас мы в долгожданном отпуске... Так я думала, пока дочь не застала его измену в нашем семейном номере.

#сильная героиня #противостояние характеров #ХЭ

!#Возмущаться в сторону героев можно, в сторону автора нет!# Добавьте книгу в библиотеку, чтобы не потерять♥#

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Визуализация	23
Глава 4	24
Глава 19	29
Глава 5	34
Глава 20	39
Глава 21	44
Глава 6	50
Глава 22	56
Глава 7	64
Глава 8	71
Глава 9	77
Глава 23	85
Глава 24	94
Глава 25	101
Глава 10	107
Глава 26	112
Глава 11	118
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Глава 1

— Тебе понравилось? — задаю вопрос дочери с теплой улыбкой.

— Да, было круто! — восторженно заявляет, а афро косички, заплетенные перед отпуском, в такт ее шагам подпрыгивают.

Радуюсь ее эмоциям, киваю.

— Жалко, что у папы не получилось с нами в аквапарк...

— Ариш, ты же знаешь, у папы много работы, даже несмотря на то, что мы уехали в отпуск.

— Ну и что?! — хмурится дочка: — У тебя тоже много, но ты же нашла время, чтобы развлекаться со мной!

Ребенок восклицает даже с нотками злости, а я вроде бы должна найти слова, чтобы не выставить Марата плохим отцом, но сама злюсь на него.

Изначально уговор был, что хотя бы на одну неделю он забудет о своих переговорах и будет с семьей.

И Арина права, я ведь как-то оставила свое ателье, несмотря на то, что бывает ночами захожу в рабочие чаты. Однако, быстро пресекаю себя.

Я обещала дочери. Точнее, мы обещали.

Слишком сильно ее родители ушли в работу за последнее время и ребенок это чувствует.

— Почему так, мам? — продолжает дочь.

— Не всегда есть возможность отказаться от работы... К тому же, если бы ее не было, мы не жили бы в достатке, милая, — обнимаю ее за плечи, когда мы входим в популярный отель Дубаи.

— Ладно, если завтра мы сходим в парк аттракционов все вместе, я его прощу, — улыбается дочь.

Надеюсь, что все получится так, как она и мечтает.

Она очень ждала этого отпуска. Мы с семьей отдыхали все вместе пару лет назад. Я возвращала свою мечту, ставшую целью и пыталась раскрутить так, чтобы обо мне заговорили. Марат был занят своим бизнесом, его транспортная компания известна чуть ли не по всей России. Не мудрено, что это отнимает кучу его времени, а частые командировки уже неотъемлемая часть нашей жизни.

По молодости, когда Арины еще не было, я часто ездила с ним. Потому что не хотела расставаться. Даже сейчас просто думая о том времени, улыбка с нотками ностальгии прорывается наружу.

Я полюбила мужа за одну секунду. Точнее, скорее за один урок. Нам еще со школьной скамьи досталось прочувствовать полное значение первой любви. Безусловно, все случилось не сразу. В конце концов, подростковые эмоции сильно отличаются от юношеских, а юношеские от зрелых.

Почти все стадии мы прошли и, вероятно, еще проходим.

Мне не нужно было время для того, чтобы понимать, что это тот самый человек. Он просто вихрем ворвался в мою,

пусть и размеренную, жизнь. Лощеный, золотой мальчик и я сирота.

Ни матери, ни отца, многочисленные детдома за спиной, а затем стипендия в университете, за которую я готова была рвать зубами.

Мы как будто были не сочетаемы, но Марат настойчиво и планомерно добивался моего расположения. И даже несмотря на то, что я отчаянно в него девочкой влюбилась, мы долгое время дружили. Однако, этот парень, даже будучи мальчиком всегда знал чего хочет, и получал желаемое.

Правда, это скорее можно соотнести к нам обоим. В моем случае, несомненно, все доставалось большей болью, но принимать его помощь было слишком трудно.

Затем признания, поцелуи, первая близость...и никто из нас даже и не думал, что мы можем существовать раздельно.

А потом, как в учебнике, знакомство с его родителями. Мы оба понимали, что встреча пройдет без объятий и искренних улыбок. Так и вышло, скажем, не без эксцессов и неприятия.

Наверное до сих пор, спустя двенадцать лет, они не могут взять в толк, почему наша семья до сих пор жива.

И к слову, ее не назовешь не крепкой.

Поднимаемся в лифте отеля, Арина тут же подключается к вай-фай в здании.

Эти современные дети, какой-то кошмар.

— Ариш, может, хотя бы до вечера потерпишь?

— Мам, мне надо отправить фотки девчонкам, я мигом,
— канючит она, вылетая из лифта и пряча телефон за спиной.

Ох, уж это умоляющее умильное лицо.

Усмехаюсь, отпуская дочь.

В конце концов, мы в отпуске, пусть развлекается. По возвращении снова тренировки семь дней в неделю, постоянные весы и желание, в итоге, взять первое место на районных соревнованиях по гимнастике.

Иду за ней, отвлекаясь на то, чтобы найти в пляжной сумке ключ-карту, но вечная проблема найти в этой бездонной материи хоть что-то.

Однако, уже ближе к нашему номеру, я замечаю, что дверь приоткрыта. Арина что ли взяла? Хмыкаю, но захожу внутрь, тут же оставляя сумку на небольшом комодике.

Номер люкс с тремя комнатами, что крайне удобно. Выполнен в пастельных тонах, что тоже радует глаз отсутствием колоритных арабских деталей.

Замечаю дочь, что застыла в глубине гостиной. Ошарашенный ребенок медленно двигается ко мне.

Я тут же начинаю поиск догадок, может быть она что-то забыла в аквапарке... Ее одиннадцатилетний возраст сейчас то еще счастье. Разгон от милого ребенка до маленькой фурии буквально секунда.

— Милая, — тихо зову ее, не понимая в чем дело.

Она как будто резко выныривает из своих мыслей и уско-

рывается ко мне.

— Там...мам.. — хмурюсь, присаживаясь напротив нее:
— Там папа.

— Да, он же остался работать в номере, — улыбаюсь, все еще не разобравшись, в чем дело.

— Но он не работает... — отвечает, а я смахиваю это все на ее обиду.

— Ну а что он делает, Ариш...

— Он там с кем-то...целуется, — хочу уже подняться, но на словах дочери замираю.

Всматриваюсь в лицо ребенка, думая, что она все придумала. Да только зачем ей это. Хмурюсь, испытывая, откровенно, легкий шок.

Тем не менее, несмотря на то, что ноги будто обмякают, хотя это полный абсурд. Марат, он просто не смог бы так поступить.

Это ведь так низко и подло...

Качаю головой, но все же двигаюсь по направлению в спальню.

Раздвижные двери прикрыты, а из-за того, что гостиная большая, коридор, по сути, находится метрах в пятидесяти. Вряд ли он слышал, как мы вошли.

Щель достаточная, чтобы увидеть, поэтому я бесшумно приближаюсь. И пусть рассудок кричит о том, что это выдумка, сердце все равно врежется в грудную клетку не единожды в секунду.

Прикрываю глаза, делая глубокий вдох, и резко открываю, даже с полуулыбкой на лице, успокаивая себя, что это нелепое недоразумение.

Только в этот момент она молниеносно сползает с лица и я чувствую, как земля уходит из-под ног.

Мой муж лапает какую-то девушку под юбкой, жадно целуя ее шею. Она млеет, откидывая длинные иссиня-черные волосы назад, и томно стонет. А его это будто больше заводит.

Прикрываю рот ладонью, пятясь подальше от дверей. Другой рукой пытаюсь опереться на диван, потому что тело немного ведет.

Я никогда не сталкивалась с подобными ситуациями. Он мой первый и единственный мужчина. И он же растоптал меня за несколько секунд.

Оборачиваюсь на дочь, которая стоит уже рядом с ужасом в глазах, а по ее щекам текут слезы. И в этот момент внутри поднимается, сносящая все, на своем пути, ярость.

Отчаянная, материнская и жестокая. Такая, которую поймет только мать.

 Дорогие читатели, мы приветствуем вас на страницах нашего нового романа!

Будем рады вашей активности и поддержке!♥️#

Для того, чтобы не потерять историю, ниже инструкция, как можно добавить книгу в библиотеку и поставить лайк★#

Глава 2

— Дарина, — муж все же замечает меня, а потом переводит взгляд на дочь, что прячется за моей спиной.

Я вижу как расширяются его зрачки, и мне хочется вцепиться ногтями в его бесстыжие глаза и расцарапать их. Но я сдерживаю себя.

— Ариша...

Он скидывает девицу со своих колен, которая даже не удосужилась встать, восседая на бедрах моего мужа, как на троне.

Отмечаю, что она тут же начинает дуть свои пухлые губы, обижаясь. Поправляет свой кружевной бюстгальтер, отчетливо вижу торчащую грудь, и закрываю дочери глаза.

Только вот Арине не нравится, что я запрещаю ей смотреть. Она злится, я чувствую, как моего ребенка трясет от боли и гнева. Убирает грубым жестом мою руку со своего лица, а я даже не успеваю осознать, как эта маленькая хрупкая малышка бежит на эту девку.

Ариша хватает ее за длинные черные патлы, опрокидывая на пол, и я поражаюсь сколько силы в этом маленьком тельце.

Та тут же начинает верещать, машет руками в разные стороны, задевая длинными ногтями кожу моей дочери.

Я зверею как мама львица, которая голову готова оторвать за своего детеныша. Бросаюсь к ним в секунду.

— Доченька, — хватаю ее за подмышки, приподнимая в воздухе и отхожу подальше: — Что ты смотришь?! — рычу в сторону мужа: — Убери свою дрянь отсюда, ты видишь, что у ребенка истерика!

Марат отмирает, помогает девушке собрать ее вещи, а я крепко держу дочь в тисках своих рук, хоть она безостановочно брыкается с особой силой.

Глупая девица ноет, обращаясь к нему:

— Ты не говорил, что женат. И что у тебя бешеный ребенок...

— Я ненавижу тебя! — я не знаю, кому Арина адресовывает это.

То ли своему отцу, то ли этой незнакомке. А может сразу обоим.

Но сейчас мне очень больно.

И мое сердце должно болеть за меня, ведь это меня предал муж, но самый главный орган скручивается из-за того, что я вижу страдания своей дочери.

Еще десять минут назад она радовалась жизни, а сейчас ее собственный отец разрушил все одним действием.

— Ты больная малолетка, — эта курица решается открыть рот, поправляя свои волосы: — Вас не учили ребенка воспитывать? — и вот она уже обращается ко мне.

Я даже не хочу знать, где Марат нашел эту хабалку.

Выглядит как дешевка, не в его вкусе.

Что это? Месть?

Тогда за что? За двенадцать лет брака? За мою любовь?

Я стараюсь не терзать себя вопросами, которые лезут в голову с такой скоростью, что даже отмахнуться не получается.

Я в аду, горю и полыхаю.

— Пошла вон отсюда. Иначе я тебе еще сверху добавлю,

— скалю свои зубы в недоброй улыбке.

— Тупая овца! — отвечает мне, не стесняясь в выражениях при ребенке.

— Следи за своим языком. — предупреждаю ее.

— Мам, пусти, я ударю ее! — ребенок снова рвется в бой, я уже не могу ее сдерживать.

Она настолько гибкая...

Первый раз в жизни жалею, что отдали ее на гимнастику.

— Дочь! — слегка повышаю голос: — Прошу... Успокойся...

Поражаюсь Марату...

Он потерян и никак не реагирует, а меня это приводит в дикий гнев.

— Ты долго будешь молчать?! Что ты стоишь как истукан?! — кричу на него: — Посмотри, что ты наделал...

— Мне жаль, — он пожимает плечами, берет за локоть эту девицу и выводит ее из комнаты.

Ошарашенно открываю рот, провожая парочку взглядом.

Слова мужа трогают ушки моей девочки, она трясется, а потом срывается в отчаянные рыдания, оставляя соленые разводы на моем сарафане. Я сглатываю тяжелый ком, ин-

стинктивно поглаживая дочь по затылку.

Марат спустя минуту возвращается в комнату, опустив голову. Закусывает нижнюю губу, опирается спиной о дверной косяк и смотрит прямо мне в глаза.

— Я не прощу, — мотаю медленно головой: — Даже не надейся. Это развод. Без разговоров и обсуждений.

Он не говорит ни слова, и я не понимаю, какого черта нет хотя бы извинений...

Почему этот предатель не падает на колени и не кается.

— Мам, — жалобно скрипит Ариша: — Не надо развод! — она еще сильнее рыдает: — Я не хочу без папы...

Я молчу, потому что говорить о таком при ребенке не стоит.

Я не буду ее ломать сейчас еще больше, хоть и приняла уже решение.

Да! За секунду!

Мне хватило... Увидеть и принять решение.

Я не умею прощать предательство, я росла в детдоме, у нас предателей в унитаз макали головой и почки отбивали.

О каком прощении может идти речь...

И может, я уже далеко не та девочка со двора, но принципы у меня железные.

— Я не хотел, чтобы так вышло, — какие же банальные слова.

Как под копирку все говорят одно и то же. На одном заводе их что ли штопают.

— Это уже не имеет значения, — беру дочь за плечи, подталкивая к выходу из комнаты.

Когда мы оказываемся с ней в дверном проеме, я даже не смотрю на него, гордо выхожу, но Арина... Она срывается, летит в объятия мужа. Падает к нему в руки, а он сразу ловит.

— Папочка, почему? Папочка, я люблю тебя! Только не уходи...

И мое сердце вот теперь окончательно разрывается. Лопается как надувной шарик.

Бам!

И остались одни ошметки.

— Дарина, давай поговорим. Тет-а-тет. Как взрослые люди.

Меня смешит его уверенность в том, что все нормально.

Конечно, сейчас сядем за стол переговоров, нальем чашечку ароматного чая и поговорим...

Мы так поговорим с ним... В суде.

— Из взрослых здесь только я, — я бью по его достоинству: — А, ну и дочь наша и то умнее будет.

— Завязывай так разговаривать, — в ответ грубит пресекая.

— А ты когда детдомовку брал в жены, не знал, какие они языкастые? Марат, со мной шутки плохи. Прощать не стану. Ни один разговор не изменит моего решения. — я говорю это тихо, чтобы дочь не услышала.

Муж усмехается, закрывая дочь своим мощным телом и

кидает мне:

— Посмотрим.

Глава 3

— Посмотрим... — не скрывая ехидства повторяю за ним:

— Арина, собери свои вещи, мы улетаем домой.

Дочь вскидывает растерянный взгляд, и снова отчаяние портит ее красивое личико.

— Пожалуйста. Я сейчас подойду и помогу тебе.

Бросает взгляд на Марата, а он, поджав губы, отворачивается и играет желваками.

Поздно, милый, злиться.

Надо было думать до того, как засовывал ей свои руки... Останавливая мысли, прикрываю глаза, стоя к нему спиной.

Я должна держаться.

Не буду биться в истерике, не буду плакать. Я, как и всегда, сожму зубы и пойду дальше.

— Ты, — оборачиваюсь на него с беспристрастной маской на лице: — Можешь дальше наслаждаться богатствами этой страны.

Он в ответ вздергивает бровь с усмешкой.

— По возвращении сам заберешь свои манатки.

Хочу отвернуться и пойти к Арише, но его рука, которой он хватает меня у локтя, останавливает. Медленно веду глазами от места соединения, чувствуя отвращение, и дохожу, наконец, до его лица.

— Не трогай. — цежу, но он глазами так и бросает мне

вызов: — Марат, отпусти.

— Дарин, ты серьезно сейчас просто возьмешь и уедешь?
Аж дыхание спирает от того, как он смеет так спокойно спрашивать этот бред.

Будто ничего не случилось...

— Да. И надеюсь, что следующая наша встреча пройдет уже в суде. — отвечаю с фальшивой улыбкой: — Вещи свои заберешь пока я на работе, а Арина в школе.

Он в ответ лишь равнодушно хмыкает.

— Как знаешь... — выдергиваю руку: — Можешь не забирать, я вызову мусоровоз.

— Дарина... — медленно проговаривая звуки чеканит: — Хватит вести себя так. Ты уже совсем не та девчонка в школе.

— А ты не тот принц с золотой горы.

Парирую в ответ и делаю шаг от него. Размеренно дышу, чтобы не показать как, на самом деле, внутри рвет сердце.

— Я не дам развод. — уверенно летит мне в спину: — Высеки себе эти слова в голове.

— Хочешь ты того или нет.... — не поворачиваясь тихо отвечаю: — Я разведусь с тобой и высеку тебя из своего сердца, Марат.

Вхожу в отдельную комнату номера, где Арина медленно складывает вещи в свой маленький чемодан. Капли ее слез оставляют пятна на ткани, а я закрывая дверь, прислоняюсь к ней лицом.

В гостиной в этот момент раздается громкий удар и хруст, судя по всему, какой-то мебели.

Душа сжимается, и я снова короткими вдохами снабжаю легкие кислородом, отчаянно сдерживая желание разреветься. Одинокая слеза все же вытекает, но быстрым движением смахнув ее, с нервной улыбкой оборачиваюсь на дочь.

— Мам... — она все видит, а я пожимаю плечами и уже чувствую, как броня спадает, а лицо искажается от боли.

За первой слезой следует и вторая, и третья, и четвертая. Подхожу к кровати, обессиленно падая, и уговариваю себя быть сильной.

— Мамочка, я люблю тебя... — Арина тут же подходит, маленькими ручками обвивая шею.

Зарываюсь ребенку в плечо, сдерживая всхлипы и тихо реву в ее яркие косички.

Боже, как жалко и унизительно я сейчас выгляжу перед собственной дочерью.

— Так, ладно... — вытираю лицо, отрываясь от нее: — Мы летим домой, и нам надо многое с тобой обсудить.

Говорю с ней как с взрослой, надеясь, что она поймет меня.

— Хорошо, мама... — тихо бубнит в ответ, то ли чувствуя мое состояние, то ли осознавая, что ничто не изменит сделанного.

Телефон остался в сумке в коридоре, и я категорически не хочу идти туда.

— Ариша, могу тебя попросить? — говорю, скрывая, как трясутся собственные руки: — Принеси мой телефон, он в пляжной сумке...

— Да, мамуль, сейчас. — она тут же выходит из комнаты. Закрываю лицо ладонями, шумно выдыхая.

Соберись. Никто еще от предательства не умирал. Наверное.

Да и разве мне ли не знать, что значит не любовь.

Я успела это прочувствовать на собственной шкуре не один раз. Родители, которые отказались от меня. Семья, что приезжала ко мне в детдом и обещала удочерить в один прекрасный день просто-напросто исчезла.

Я не понаслышке знаю, что это.

А терпеть точно не буду.

Он даже не удосужился сказать прямо. Просто привел свою подстилку в наш семейный номер. Во время нашего семейного отпуска.

Хотя, кого я обманываю, если не удержался здесь, то что творится в его командировках и вечных задержках в офисе...

Боже.

— Мама? — дочь протягивает телефон, и я фальшиво бодрюсь.

Открываю приложение с авиабилетами, тут же просматривая свободные места на ближайший рейс.

— А папа теперь не будет жить с нами? — тихо звучит

вопрос, в тот момент как она садится рядом со мной.

— Нет, Арина, — твердым голосом даю понять: — После этой ситуации, это невозможно, дочь. Он по-прежнему будет для тебя отцом, я ни в коем случае, не умаляю вашего общения и взаимоотношений. Он твой папа, Арина, и им останется. Но, как мужа и жены, с этого момента нас нет. — она кивает, а беззвучные слезы катятся по ее щечкам.

Дочка прислоняется головой к моему плечу, и я оставляю поцелуй на ее макушке. Возможно, звучу резко, однако, сейчас для нас двоих это суровая реальность.

Возвращаюсь к телефону, бронирую два соседних места на вечерний рейс, и нажимаю кнопку блокировки телефона.

Взгляд цепляется за отражение в зеркале напротив, и мучительно хочется также заблокировать свое сердце. Чтобы оно перестало болезненно сжиматься, выпуская струйки крови.

— Твой... — прикрываю глаза: — Ты ходила за телефоном, папа все еще там?

— Нет... — отрицательно качает головой: — Только стол сломан у дивана...

Арина поджимает губы, а я киваю, сама не знаю зачем.

— Давай, нам скоро выезжать, соберем вещи. — встаю с решительным настроем, а моя девочка молчаливо и вяло повторяет за мной.

Душа болит за то, что ее представление о счастливой и крепкой семье сегодня разбилось в щепки.

Но врать и прикрывать этот ужас для того, чтобы ребенок потом имел неверное представление, я не буду.

Складываем с ней вещи в течение часа, впрочем, даже достать еще не все успели.

Переодеваюсь в более комфортную одежду, светлые широкие брюки и такую же футболку, а Арина выбирает легинсы с топом. Звонко закрывается молния чемодана и мы, наконец, выходим из своего убежища.

Есть хочется неимоверно, Арина тоже уже канючит, но главное, поскорее выбраться отсюда. Остаться на ланч желания никакого нет. Зайдем или в аэропорту, или хотя бы не на территории отеля.

— Ариш, телефон, зарядка, все взяла?

Напоследок осматриваю разгром, устроенный в гостиной на предмет наших вещей. Его одежду вывалила прямо на кровать в той комнате, дальше сам разберется.

— Вроде бы да...если что... — замолкает на полуслове.

— Да, попросишь отца. Он привезет. — заканчиваю за нее, пытаясь убедить, что мы не можем перестать о нем говорить.

Это будет неправильно по отношению к ребенку, ну а я, пока вытесняю любые мысли о нем, даже если механически что-то озвучиваю.

Наспех заглядываю в ту спальню, где мы застали их. Невольно задираю подбородок, испытывая отвращение, потому как за несколько часов до ситуации, он здесь лежал со

мной...

С прикроватной тумбы забираю крем, из ящика рабочий планшет, и не глядя на скомканную постель, выхожу.

Арина идет впереди со своим фиолетовым чемоданом, а когда уже доходит до двери номера, та распаивается. На пороге стоит Марат с растрепанными волосами и уставшим лицом. Смотрит на нас по очереди, я в ответ мгновенно отвожу глаза и подталкиваю дочь вперед.

Визуализация

Дорогие читатели!

Тянуть долго не будем, поэтому сразу покажем вам наших героев♥#

Наша красавица Исакова Дарина, 36 лет.
Стойкая и независимая женщина.

Звездочка Исакова Арина, 11 лет.
Очень любит обоих родителей, но не всегда чувствует их ответ.

Ну, и наконец, наш герой, Исаков Марат, 36 лет.
Несмотря на богатую семью, своим бизнесом занимался самостоятельно.
Холодный в эмоциях, и порой сложный для понимания.

Глава 4

— Что ты делаешь, Марат? Отпусти! — он перехватывает ручку чемодана, с силой затаскивая его внутрь.

Я даже не успеваю сориентироваться, как он его уже кидает со всей силы в центр коридора, отчего пластиковый материал тут же трескается.

Марат переступает через чемодан и идет дальше в комнату. Арина молча переводит взгляд в мою сторону, хлопает своими большими глазами, не понимая, что происходит с ее отцом.

В нашей семье не принято такое поведение. Но за последние часы мы и так уже нарушили все правила, что когда-то так трепетно с Маратом выстраивали.

— Малышка, посиди в комнате, послушай музыку, хорошо? Я буквально на пять минут, и мы сразу поедem.

— Вы будете ругаться? — она хлюпает носом, смотрит на меня с надеждой.

— Нет, что ты... Я просто хочу объяснить твоему папе, что с вещами нужно бережнее обращаться.

Имею в виду я, конечно, совсем другое... Но не уточняю.

Ариша еще с минуту мнется у двери, смотрит на меня так жалобно, что сердце снова начинает кровоточить, а потом вздохнув все же заходит в комнату и запирает за собой дверь.

Моя умная девочка.

Осматриваю себя в зеркало, трудно оставаться с эмоциями в ладах, когда всю трясет, но покажи я ему свою боль, то он тут же сможет найти место для удара.

А я так не хочу... Хочу, чтобы он знал, никакой его пошлук не позволит мне упасть и сойти со своего пути.

Ничего страшного, переболит. Заживет. Но втоптать меня в грязь не получится.

Переступаю через чемодан, иду медленно вдоль стены, и останавливаюсь в нескольких метрах от мужа. Он не слышит, что я рядом, стоит спиной. Дышит тяжело, его спина ходит ходуном, а кулаки словно и не разжимались никогда.

— Ну и зачем ты это сделал? — как можно спокойнее говорю я, присаживаясь на корточки, и поднимаю чемодан в вертикальное положение.

— Что именно? — хрипит своим гортанным голосом: — Сломал чемодан или изменил тебе?

Я замираю, сглатывая ком горечи, прячу гримасу боли за длинным локоном, облизываю попутно пересохшие губы, и скидываю, наконец, на него свой взгляд.

Марат тоже не уступает, смотрит прямо внутрь моих зрачков, пытаюсь что-то там найти. Хочет узнать, что я чувствую...

А я не покажу. Не подам даже и знака.

— Мне не интересны причины твоей измены. Ты уже это сделал, какой смысл обсуждать. Не понимаю, почему не даешь уехать? Ариша хочет домой...

— Арина мечтала об этом отпуске больше года, не ври хотя бы сама себе.

Я сдерживаю себя, чтобы не огрызнуться.

— Не думаю, что в понятие семейного отдыха она вкладывала наличие другой женщины, — качаю головой: — Я обязательно свожу ее на море еще раз в ближайшее время. Только развод с тобой оформим. Надеюсь, ты не станешь устраивать борьбу за ребенка...

— Господи, Дарина! — его терпение лопается, он снова взрывается.

Ищет глазами какой-либо предмет, чтобы снова сломать его. И бедному чемодану опять прилетает. Теперь вещи безбожно разбросаны по всей комнате и коридору.

— Ты успокоился? — медленно проговариваю слова: — Теперь я могу забрать дочь и уехать обратно в Россию?

— Вот оно! — тычет в меня пальцем: — Вот она причина! Ты разве не понимаешь?! Ты! Это ты виновата в том, что я изменил тебе.

Я правда старалась держаться. До последнего...

Но когда твой любимый мужчина обвиняет тебя в том, что он изменяет.

Это явный перебор.

— То есть, это я привела в наш номер ту... И попросила ее запрыгнуть к тебе на колени? Такая логика, Марат?

— Ты знаешь о чем я, Дарина, — его ноздри раздуваются от злости, его всего трясет: — Я изменил потому что ты меня

разлюбила.

Ладно.

Это смешно.

И я не скрываю этого.

Просто на ровном месте начинаю смеяться, горько так, но со вкусом. Мотаю головой, собирая вещи по комнате, кидаю их в сумку, где еще есть немного места.

Надо же... Какая интересная причина. Я его разлюбила. Странно, что я не была в курсе этого.

— Прекрати собирать вещи! — он выхватывает кофту из моих рук, — Посмотри на меня! Посмотри!

Берет своей рукой мое лицо, приподнимая его. Сейчас он как никогда близко, губы едва касаются моего лица, а горячее дыхание опалает кожу.

— Тебя интересует только бизнес, твои тряпки эти, ателье твое. Я не нужен тебе стал... Ты забыла про меня.

— Звучишь как маленький обиженный мальчик, — дергаю головой в сторону, освобождаясь из его захвата: — Ты мог сказать мне об этом. Что тебя волнует и тревожит. Но ты выбрал самый простой способ, так что теперь не нужно на меня обижаться, Марат. Ты свой выбор сделал.

— Ты холодная су... — он хватается меня снова, только теперь уже за плечи.

Сжимает их со всей силы, я даже чувствую боль в костях.

— Договаривай!

— Я сделал это, чтобы показать тебе наглядно, как это

бывает больно, когда твой любимый человек плюет на тебя.

Шок.

У меня просто шок.

— Лечись, Марат. Прошу тебя. Просто лечи свою голову.

— Мам, — я слышу за спиной жалобный голос Арины: —

Вы помирились?

Она превратно расценивает руки своего отца на моем теле. Я вижу, как в ее глазах загорается огонь, она даже начинает улыбаться.

— Конечно, ангелок, твоя мама не сможет от меня уйти. Ведь мы семья и любим друг друга, — Марат прячет эмоции, предназначенные мне, и улыбается дочери.

— Я устрою тебе ад, Марат... — наклоняюсь ближе к его уху, шепчу так, чтобы слышал только он: — Ты с ума сойти начнешь. Я обещаю тебе.

Глава 19

Марат

Даже смотреть на нее не могу.

Сыграть так, чтобы оставить ребенка без отца. Зная, черт возьми, как это. Проживая ежедневно и гордо задирая голову, показывать, что ей не больно.

Усмирить гнев не удастся, а желание выпустить эту, клубящуюся вихрем, злость просто необратимо.

Дарина. Что. Же. Ты. Творишь.

— Мужчина! — эта полная тетка в очках, даже не осознает, что сейчас делает: — Или выйдите или успокойтесь!

— Указывать мне будете? — слишком тихо и угрожающе звучит собственный голос.

— Марат... — смотрит, умоляя не позорить.

Вижу ведь в глазах. Сама растеряна до одури, но никогда же не покажет.

Скала Филатова...Как была, так и осталась.
И да, черт возьми, полюбил такой.

Стойкой, дикой и забитой.

Надеялся, что поборол. Думал научил, думал понимает.

Черта с два.

Плевать ей, главное душу обложить панцирем, чтобы ни один человек дотянуться не мог.

Даже собственный, мать его, муж.

— Bravo, Дари, — выдаю сдавленно и глухо: — Заседание можете не проводить, я согласен на все требования.

Киваю ее прихвостню с кейсом, на что тот вскидывает брови.

— С дочерью проблем не будет. По согласию с женой... с матерью. Имущество все нажито в браке, можно переписать на сторону истца и моего... моих детей.

Застыла изваянием, взгляд увела, отчаянно старается не смотреть на меня.

Я же хватаю телефон, ключи, и двигаюсь к выходу, задержавшись на секунду около нее.

— Поздравляю, ты считаешь снова Филатова. — выхожу не оглядываясь, иначе посягну на госимущество.

Без конца вибрирует телефон в руке, но сейчас будто случился откат.

Откат туда, где каждый день доказывал ей, что ее душа красива и никто ее не обидит, чтобы мир ее увидел.

Сейчас она этим бронежилетом закрыла ребенка... Того, которого я так отчаянно хотел пять лет назад.

Злостная усмешка оседает на лице.

Да, вероятно, надо было намекнуть ей на то, что творится вокруг. В этом, без сомнений, виноват.

Но теперь, мне будто воздух перекрыли. Молотит так, что винты плывущего корабля, это хрень по сравнению с тем, что внутри. Она ведь знала там у здания суда, смотрела в глаза и просила не начинать. Уже, гребанный свет, знала, что под

сердцем мой сын или вторая дочь.

Глаза наливаются откуда-то взявшейся влагой, и я резко зажмуриваю их, залетая в салон автомобиля.

Телефон вновь оживает, бросаю взгляд. Снова Берестов, черт его дерит. Послать бы все к хренам собачьим.

Неоном горит лесной домик, что мы арендовали в какое-то лето.

— Слушаю. — сиплю в трубку, наконец, отрывая голову от руля.

— Марат, дорогой. — эти растянутые нотки спонсора уже поперек горла сидят: — Как там Кариночка?

Даже сквозь расстояние чувствую противную улыбку этого старого извращенца.

— Понятия не имею, работу ей дали, жилье тоже. — отвечаю и все таки завожу двигатель.

А внутри будто вакуум.

Воздух ни внутрь, ни наружу.

Робот с поломанным процессором. Мы будто оба стали такими. Механическое все, скрипящее и еле прокручивается между шестеренками, а подвинтить и некому.

— У тебя все в порядке? Заведенный какой-то.

— Лёнь... — цежу сквозь зубы.

— Ладно, ладно. Я бываю, конечно, доставучим, но не буду отвлекать. — считает, что это смешно: — Ты там как со своей женушкой разберешься, заезжай в гости, Карину позволю...

Откидываю голову на подголовник, пару раз пробивая его, и шумно выдыхаю, отключив звонок.

Разобрался уже. Так, что не осталось жены.

Усмешка с хрипом вырывается и я поджимаю губы, а в памяти тут же всплывает, как огрызалась, как считала меня тупым мажором, а когда, наконец, позволила себе, шептала, что каждый день хочет так. В руках, в объятиях.

А теперь глухая холодная стена, сквозь которую не пробиться.

Как Арине стукнуло семь, кажется, я ее потерял. Уже тогда. И несмотря на то, что она была моей бойкой сложной девочкой, я отчего-то считал, что она осознает, как мне порой не хватает ее.

Черт.

Оба ведь не понимаем, чего хотим.
 Долбанный бизнес ее этот.
 Рад, горжусь, но можно же как-то остановиться и посмотреть. Никто же не гонится сзади, а она будто погрязла. Она в тканях, а я в сотрудничестве, без которого бы и сам не вышел в другие регионы.

Нас будто в бетон закатало. И вроде как есть место, чтобы двигаться. А ты стоишь. Ждешь. Забвения, черт возьми.

Выруливаю, провожая взглядом здание. Надо почистить голову, надо просто принять тот факт, что она без разбора лишила меня самого желанного события.

Гоню под двести двадцать, чтобы не выйти и не сорваться. Хочется об землю биться и орать. Я стану отцом во второй

раз. Только все это случится без меня.

Глава 5

— Правда? — надежда ребенка видна невооруженным глазом.

Сжимаю зубы, сбрасывая его руки с себя.

— Арина, мы опаздываем на рейс. — тот тон, который она воспринимает как строгий.

— Иди ко мне, доченька. — Марат присаживается на корточки и раскрывает объятия.

Дочь обращает свой взор на меня, в котором я читаю страх, что подойди она к нему, это обидит меня.

Господи, испытываю такой силы ярость, что готова и сама ударить этот чертов чемодан. Разве мы имеем право ставить своего ребенка в такое положение?!

— Прощайся с папой, — говорю мягче: — Он наверняка в скором времени тоже освободится от своей работы... — не без язвы заканчиваю предложение.

Арина кивает и тут же бежит в объятия Исакова. Он прижимает ее к себе, глубоко вдыхая и на секунду прикрыв глаза, переводит взгляд на меня.

Я не знаю, как на него смотреть.

Кроме отвращения, боли и ненависти, я не испытываю ничего. Но его глаза, которые я когда-то полюбила, сейчас так ярко наполнены болью, что вероятно отзеркаливали бы мои.

Только это я позволю увидеть своей подушке или отра-

жению в зеркале. Равнодушная маска сейчас единственный способ, чтобы держаться.

Он ведь даже не испытывает чувства вины, а только обвиняет меня.

Абсурд!

В чем? Только лишь в том же, в чем можно обвинить и его самого.

Он пропадавал, расширял бизнес, увеличивая наши финансовые возможности. Я не стояла на месте, и тоже создавала себе имя в своей индустрии.

Он прекрасно знает, как это важно для меня.

В самом начале нашего пути знал, что я не из тех, что в фартуке ждут своих мужей с работы. Обслуживают, одной рукой снимая носки, а второй ставят на стол первое, второе и компот.

Я всю жизнь через падения шла к тому, чтобы, наконец, самостоятельно поднять свое дело. Мечтала заниматься тем, что мне поистине приносит удовольствие.

Какого черта сейчас вдруг проснулась ревность к работе? Почему он считает, что может так поступать?

Да, не спорю, я многое могу решить сама.

Мне не нужен для этого мужчина рядом.

Я всегда справлялась сама.

До шестнадцати лет обо мне никто не заботился, и было крайне сложно открыться Марату. Но он сделал действительно многое, обнажая мою душу, аккуратно и с любовью.

Сейчас, конечно, это ему удалось буквально за секунду, еще и так, что она теперь безжизненной массой валяется где-то рядом.

Тем не менее, я любила этого человека за его твердость. За то, что он вопреки всему, идет к своим целям. За воплощение мужественности, за нежность и страсть, за то, что я всегда знала, я за мужем, несмотря ни на что.

Он верил в меня, даже если я спотыкалась, поддерживал, не отмахивался купюрами, а всегда согревал объятиями и словами.

И он был согласен на это...

Сейчас же, он выставляет виновной меня...как будто совсем недавно не было наших сумасшедших ночей. Словно мы не признавались друг другу в любви сбитым шепотом. Не смеялись в выходные по утрам, когда Ариша пыталась стащить нас с кровати, а нам было так уютно и не хотелось обрывать то мгновение.

Нам было хорошо.

Нет, нам было невероятно хорошо.

Что случилось, почему он с такой уверенностью бросает мне эти слова...

Да, может быть до отпуска не так часто мы проживали те моменты из-за моей коллаборации с одним из дизайнеров... Однако, это же не повод бежать налево и засовывать свои конечности во все дыры.

— Дари... — слышу тихий голос Марата, который возвра-

щает меня из глубин самоанализа.

Смотрю на него, не понимая, как...

Как можно было спустить двадцать лет в помойку.

— Нам обоим нужно время, чтобы утихли эмоции... — отпускает Арину, которая оставляет поцелуй на его щеке: — Но мы обсудим дальнейшие действия и все решим.

Последняя фраза звучит чересчур уверенно, а прищуренные глаза демонстрируют, что мужчина не сдастся.

Я знаю его и вижу невербальные знаки.

Если нужно будет, он начнет воевать.

С собой, со мной, с миром.

Ему плевать.

Такое уже было с его семьей, которая требовала отказаться от меня.

Поджимаю губы, вскидывая брови.

Арина тут же смотрит умоляющим взглядом.

Больше всего мне жаль ее, даже не себя...

— Хорошо. — сглатывая отвечаю.

Марат кивает, добавляя беззвучное спасибо.

А я, смотря в эти темные пронизывающие глаза, уже знаю, что как только сяду в зале ожидания, начну заполнять заявление на развод.

Суд в любом случае состоится, с одиннадцатилетним ребенком нас не разведут по щелчку.

Поэтому пусть уже начнется процесс.

— Идем, дочь. — посылаю в нее улыбку, наплевав на все

эти разбросанные вещи и чемоданы: — Нам пора.

Он идет сзади, я чувствую.

Взгляд, шаги, аромат, даже, кажется, тепло его тела.

— Я прилечу за вами. — говорит он хрипло, когда мы выходим за порог номера.

Арина улыбается и кивает с блеском в глазах, я же не обращаю внимания.

— До встречи... — адресовывает, прожигая своим тяжелым взглядом.

Поворачиваюсь к нему едва заметно кивая.

Сама же прокручиваю в голове, что пентхаус в центре города, в котором мы жили семьей, я оставлю нам с дочкой.

Квартира Арины, так и так будет ее. Марат все таки не настолько прогнил, он любит своего ребенка.

Моя машина оформлена на него, но это подарок, а раз подарок, то я тоже заберу себе. Из недвижимости остается дом, который мы скорее использовали как дачу.

Вполне себе равный раздел имущества.

В тех хоромах почти триста квадратов площади, так что он может организовать себе целую оргию.

Разве ли это не то, чего ему так хотелось...

Дорогие читатели!

Если вам нравится наша новинка, поставьте, пожалуйста, лайк★#

Нам будет крайне приятно ♥#

Глава 20

— Ох, Лучано, — заливисто смеюсь в трубку: — Я так рада, что вы позвонили. Вы уже посмотрели мои эскизы? Кристина должна была вам прислать.

Кусаю губы в нервном ожидании, я правда хочу, чтобы он по достоинству оценил то, над чем я так долго и упорно работала.

А еще мне просто нравится общаться с Берто. Во-первых, всегда приятно разговаривать с профессионалом своего дела, а во-вторых, мой английский становится все лучше и лучше. Как ни крути, но практика — это очень важный аспект в изучении языка.

Между прочим у языка любви тоже практика нехилая, но... Мы с Маратом с треском её провалили. Обидно и больно, до сих пор щемит в груди.

Надо бы сходить поменять паспорт, чтобы фамилию девичью взять, но я ее терпеть не могу. Она напоминает не о самом лучшем времени. Да и большую часть жизни я ношу фамилию — Исакова.

Мне очень она нравится.

Увы.

— Дарина, — Лучано смешно с акцентом произносит мое имя: — Я в восторге. Правда! Поэтому незамедлительно жду вас в Милане, мы обязаны представить миру ваши работы.

Сердце замирает.

Одно дело, когда ты довольно известен в узких кругах, а тут... Приглашают в настоящий мир моды.

Меня.

Девочку из детского дома, которая кроила вещи в подвале на старой, черной, расписанной хохломой, машинке, где постоянно западала игла. Ночью, пока все спали, я шила костюмы для кукол из клочков изношенного постельного белья.

— Я с удовольствием, — мой голос становится тише.

Боюсь спугнуть собственное счастье. Хоть в карьере я не прогадала и сделала правильный выбор.

Помню... Марат просил меня уделять ему больше времени, просил бросить работу. Нет, конечно, он не настаивал и не манипулировал. Просто говорил, что ему важно, чтобы жена была рядом.

А я не могла. Тянулась к творчеству, не сиделось мне дома, было пусто, и стены сжимали в тиски.

И вот получается, что выбор то я сделала правильный. Мужа рядом нет, а работа будет кормить меня и ребенка.

То есть детей.

С этой мыслью я никак не свыкнусь. И на самом деле решение по второму ребенку еще не принято. Я не стану делать это в одиночку, но мне стоит донести до Марата мысль о том, что я не сильно горю желанием рожать.

Знаю, что взбесится.
Имеет ли только на это право?

Мы с Лучано еще перекидываемся парой фраз, понимаю,

что итальянцу уже нужно бежать на кофе со своими приятелями. Поэтому не смею его задерживать пустой болтовней, да и не умею я это дело.

Смотрю на свои платья, думаю...

Думаю, что я молодец.

Сложно себя хвалить, я все время недооценивала талант, что даровала мне природа, но сейчас... Наверно впервые в жизни горжусь собой и рада, что у меня все получилось.

— Кхм-кхм, — легкий кашель за спиной отвлекает от созерцания и внутреннего монолога.

Улыбаюсь широко и искренне, нахожусь на подъеме.

— Добрый день, чем я могу быть полезна? — поворот головы, и от моей улыбки не остается и следа.

А сердце... Оно сжимается до малюсенького размера, переставая качать кровь.

— Я бы хотела приобрести платье у вас. У меня сегодня особенный вечер, — Карина проходит внутрь, по-свойски оставляя сумку на танкетке.

Поправляет черные волосы, перекидывая их через плечо. Смотрит с вызовом.

Ощущение победы не стереть с ее лица.

Девочка, но я с тобой и не боролась.

Думает, что своим появлением сломает меня?

Ну, даже если мне и чертовски больно, никому не подвластно залезть под мою корку. Только потому что я соткана из прочного панциря. У меня щит железный.

— В честь какого события? — наклоняю голову вбок, оценивая ее фигуру.

У меня платья под такую талию и сшиты.
Идеально. Модель.

Может ему не хватало... Чего?

— У меня сегодня свидание с любимым мужчиной, — она обнажает белоснежные зубы: — Он любит, конечно, когда я голая. Но зачем провоцировать весь ресторан.

Я не сломаюсь. Не сломаюсь... Нет, Дари, держись.

— Вы бы хотели что-то более открытое или закрытый вариант?

Остервенело перебираю дрожащими пальцами вешалки, скрепя ими о железную балку.

— А вам наверное лучше знать. Какие платья Марату больше нравятся?

— Карина, — я не могу скрыть свой шок.

Всему есть предел. И это не просто наглость.

— Скажите, а если бы не ваш влиятельный дядя, вы также смело бы открывали свой рот? Я, конечно, не угрожаю, — улыбаюсь ей, подмигивая: — Но в шестнадцать лет я разбила нос соседскому мальчишке.

— Знаете, Дарина, — она осматривает помещение, демонстрируя скучающий вид: — А вы не думали, почему он выбрал меня, а не вас?

— Потому что мясо, у которого выходит срок годности, лежит на самом видном месте. Тухлятиной пахнет, и его

скорее нужно спихнуть. Ведь именно этим руководствовался ваш дядя, подкладывая под моего мужа?

— Что?

Не ожидала, да?

Малышка... Там, где ты училась дерзости, я преподавала.

— Карина, я понимаю, что вы пришли продемонстрировать свою победу. Одно вы только не учли, подобрать чужое — это не выигрыш. Вы забрали не моего мужчину, а мои проблемы. Так что спасибо вам большое, — не знаю, где нахожу силы, чтобы не закричать от боли: — А насчет платья...

Беру с вешалки красивое шелковое изделие по фигуре.

— Вот такое, думаю, ему понравится.

Протягиваю ей.

Марат терпеть не может желтый.

Она смотрит недоверчиво на кусочек ткани. Нечего ответить...

— И да, платье вам в подарок. Не стоит сейчас тратить деньги Марата. Ему скоро алименты платить, — прикладываю руки к животу: — За двоих детей.

Глава 21

Марат

Смотрю на водную гладь небольшого озера у лесного дома, все еще пытаюсь свыкнуться с мыслью.

Намеренно исчез с радаров, чтобы попытаться хоть как-то разложить в голове все происходящее.

Берестов наяривает, секретарь наяривает. А мне хочется просто откинуться.

Вспоминаю тот момент, с которого началась эта муть. И отчаянно матерюсь.

Что за возмездие?!

Тот диалог с Леней помню, как сейчас.

И ведь не подразумевал, чего до конца эта старческая морда хочет.

— Марат, — вошел в мой кабинет как король.

Впрочем, как и всегда. Его империя, которая тесно связана как с таможней, так и со всеми контролирующими органами. Чувствует себя на коне, но да, впахивал как лошадь. Однако, видимо все же коррупция не обошла его стороной, потому что мразь откровенная. И пока я от него, к своему большому сожалению, зависим.

— Приветствую. – не отрывая взгляда от бумаг, озвучил.

— Дело есть, — сел напротив смотря на меня своими хитрыми глазками: — Племяшка есть у Люды, надо бы при-

ютить. — В чем вопрос?

— Ну, девка не промах, но помочь жизнь построить надо.

— И, причем тут я? — вздернув бровь спрашивал не ожидая подвоха.

— Марат, как олень, ну... Работу там дать, про мир этот рассказать. Людка у меня знаешь, не из бедненьких, там семейка те еще змеюги. Так что надо по красоте.

— В отделе кадров место найдут, если хоть что-то может. Вообще тогда не понял, почему к себе ему ее не взять.

— Не, Марат, ты не понял...там девочка умеет. Много всего умеет, пристроить хорошо надо. — тон резко стал жестче.

— Лень, скажи прямо чего хочешь, и почему не можешь взять к себе.

В тот момент вообще не до этого было, месяцев пять назад как раз переговоры шли, контракт с Владивостоком. Еще и он нарисовался, хрен сотрешь.

— К себе не могу, Людка на мозги капать будет. Сам знаешь, брак наш, уж по стольку по скольку.

Уж знал на тот момент. Еще как знал.

— Так, а что надо?! Ты суть скажи.

Видно по взгляду тогда понял, глазами прищуренными по мне бегал.

— Кариночка, крайне искусная особа, учится мгновенно, сам видел. — ту усмешку я не понял, голова ведь вообще другим была забита: — И по-хорошему бы, в свет ее выве-

сти, людям показать. Чтоб родственнички отколебались, понимаешь?!

Кивнул на автомате, понимая, что девку свою хочет тупо замуж отдать. Правда, после разговора, откровенно сказать, представления были о тихой, забитой девчонке, что не вылезает из библиотек.

А вот на деле то оказалась полная противоположность.

И теперь не слить никак, когда попытался, эта гнида тут же напомнил о новых контрактах, да и старые, черт не забыл упомянуть. Как пожалуй в жизни и происходит, еще и гонка в поиске нового спонсора со всей кутерьмой в жизни затянулась.

Надеялся, что в отпуске получится. Да только не учел одного момента.

И ведь в номер впустил, потому что стояла и помощи просила. А у самого созвон в зуме, конференция, мать его. И только когда отключил звонок, понял, что девица уже тут стоит, в нашей отельной спальне.

Даже сейчас, вспоминая тот момент, будто кислорода не хватает. Ведь она так легко поверила, что я мог это сделать, еще и в семейном номере, где живем мы с нашим ребенком.

Это насколько надо не доверять?!

Ведь каждый день любил ее. На протяжении двадцати лет, и сейчас, несмотря ни на что, внутри разрывает.

Ни одна не сравнится с ней.

Эта женщина, она все.

Она - все мое.

И черт, да! пРо-идиотски думал, что хоть это выведет на эмоции, не хотел сразу признаться, правду вываливать.

Посмотрел.

Так, вопрос, любит ли все еще меня?

Напрашиваться не стану, потому что думал, наши чувства, они вечны.

К тому же, есть мужики, у которых после развода башню хоть и сносит, но живут дальше. Просыпаясь по ночам в кровати, в гордом одиночестве орут в подушку, подыхая от тоски, но живут.

Просто надо научиться общаться с ней ради детей. Научиться не воспринимать, как свою.

Хотя, это уже где-то в коде будто прописано. Никто не нужен кроме нее.

Больно сделали мы оба, и согласен, что начал первый. Однако, удар от Дари, это как нажать на рану и смотреть как льется кровь, а кислород покидает легкие. С извращенным удовольствием наблюдать.

Если это будет сын, пусть хотя бы назовет так, как я хотел. Герман.

Исаков Герман Маратович.

Усмехаюсь с горечью касаясь стакана с горячей жидкостью.

Телефон вновь пиликает звонком, и замечая фото своей бывшей жены даже горькая улыбка оседает.

— Да, — хриплю в ответ от долгого молчания.

— Марат, мне звонил твой секретарь, тебя ищут... — слышится напряженной, но вряд ли обеспокоенной.

Нам ведь теперь плевать. Показательные выступления друг другу.

— Я в курсе. — озвучиваю, вставая с деревянного шезлонга у домика: — Ты что-то хотела?

— Да...я, надо поговорить... — мнется, видимо, тема какая-то острая: — По поводу беременности.

— В смысле? Помощь нужна или осложнения? — тут же хмурюсь, замирая на полушаге.

Молчание в трубке висит тяжестью в воздухе.

— Нет...В смысле, надо ли рожать? Наверно лично лучше.

Слова эхом отзываются в голове, а глаза сами собой расширяются от ужаса.

— Ты сдурела?! Дарина?! — рычу в трубку, сжимая ее до побелевших костяшек: — Ты. Что. Несешь?!

— Марат, — выдыхает явно собираясь с мыслями...

— Что, мать твою, Марат?! Ты сейчас серьезно готова пойти на аборт?!

— Да! — восклицает, повышая голос: — Меня в Милан зовут, у меня сотрудничество, Арина ногу сломала, ты... — выдыхается.

А я от кипящей крови в венах оставляю вмятину в дереве. Зубы уже стерты напрочь в пыль.

— Я вытяну обоих, знаю, что вытяну. Просто не то время... — добавляет тихо.

— А другого не будет, Дарин. Ты ушла от меня. — усмехаюсь с горечью и раздражением одновременно: — Если ты не готова, хорошо. Я заберу ребенка. — выдаю твердым голосом, после чего на том проводе тишина.

— К...как заберешь? — озадачена.

Знаю, даже будто ее лицо перед собой вижу.

— Так. Сам воспитаю, с Ариной вместе учились, не впервой. — тише добавляю, чувствуя как внутри будто кто-то полусует органы.

Она молчит, секунда, две, тридцать.

— Твоя задача только выносить и родить. Клинику можно выбрать ту же. А дальше я возьму все на себя.

— Нет, подожди... Мы же не живем вместе...

— И? Оборудую ребенку комнату в своей квартире...

— Марат, нет! Я же не настолько...

— Если ты не хочешь этого ребенка, потому что он от меня, и тебе сейчас важнее работа, то я его хочу. — разъярясь сдерживая титаническими усилиями желание орать: — Поэтому, я тебя прошу... — голос сипит от эмоций: — Сохранить его.

Отключаю звонок, шумно выдыхая в небо.

Глава 6

— Мам, мне страшно, — Ариша кладет голову мне на плечо и крепко сжимает мою руку.

Под мышкой у нее любимая игрушка заяц, с которым она неразлучна с самого рождения. Ну и естественно это подарок отца...

У Арины аэрофобия. Я точно не помню, когда это началось. Просто в один из полетов на море у ребенка случился приступ удушья и паническая атака.

Сказать, что мы с Маратом чуть не поседели, ничего не сказать... Я думала прямо там на борту умру от страха и тревоги.

И естественно, с мужем было бы лететь намного спокойнее, потому что Арина всегда ложилась ко мне головой на колени, а ноги складывала на Марата. И так спала весь полет.

А сейчас с нами на соседнем месте сидит абсолютно посторонний человек, и разложиться, как обычно, не получится.

— Доча, — улыбаюсь ей, хотя сама переживаю, как пройдет полет, — Просто закрывай глазки и засыпай. Вот увидишь, как только ты проснешься, сразу будем дома.

Она кивает мне и пытается уснуть, но какие-то внутренние страхи не дают ей этого сделать.

— А папа точно вернется? — обеспокоенно спрашивает.

— Конечно.

Я не даю развернутых ответов ей, потому что я понятия не имею, что в голове у мужа. Просто надеюсь, что если не я, то хотя бы Арина имеет для него значение. И он не станет снова делать все назло мне, забыв о чувствах дочери.

— Как думаешь... — она замолкает на секунду, а я вся замираю, потому что чувствую, вопрос будет не из легких, — Эта женщина, что была с отцом, она кто?

Хм. А мне вот совершенно плевать кто она. Мне не интересны сомнительные личности, которые открывают свой рот в сторону моей семьи, а уж тем более в сторону моего ребенка. Порву на клочья и глазом не моргну.

— Ариш, я не знаю, — честно отвечаю ей, — И если ты хочешь от меня откровенности, то мне не интересно. Главное помни, я и папа, мы любим тебя очень сильно. А то, что между нами — это банальная взрослая жизнь. Не бери на свой счет, хорошо?

— Просто я последнее время не очень хорошо себя вела, и вы с папой спорили по поводу моего воспитания. И я подумала...

Я знаю, что она сейчас скажет. Потому что большинство детей так считают, когда между их родителями происходят разлады. Поэтому работаю на опережение, не даю ей сказать эту фразу, тут же перебиваю.

— Дочь, ты ни в чем не виновата. Ты никогда в жизни не стала бы предметом спора или разногласий между мной

и папой. Ты самое лучшее, что случилось с нами. Просто запомни это раз и навсегда!

— Правда? — она так проникновенно заглядывает мне в глаза, что я хочу прокричать на весь мир, как ненавижу сейчас Марата за то, что наш ребенок проходит через это.

Киваю ей, улыбаюсь. Надеюсь она не замечает, какая вымученная улыбка у меня получается. Целую ее в лоб и прижимаю к себе.

— Ты хочешь попить молока с печеньем как дома? Тебе это поможет уснуть.

— Да.

Я встаю со своего места, протискиваясь между рядами, и иду в сторону стюардессы.

— Я прошу прощения, у меня там ребенок. Она сильно боится летать, не могли бы вы налить молока и подогреть его, если это возможно?

— У нас не положено до вылета, — стюардесса натягивает слишком широкую улыбку, и мне кажется, что ее губы сейчас лопнут.

Да уж. И это полет в бизнес-классе.

— Девушка, я понимаю, что вы работаете по регламенту, но дочери и правда нехорошо. Ну и тем более, я все понимаю. Но билет стоит баснословных денег, а вы жалеете молока? — вскидываю бровь.

Как же я ненавижу что-то выпрашивать.

Нас в детдоме воспитывали так, что просить помощь —

это для слабаков.

Ты сам должен со всем справляться, сам должен уметь решать все свои вопросы. И хоть я уже давно не в детдоме, все равно на подкорке все сидит.

— Я прошу прощения, — другая стюардесса подслушивает наш разговор, тут же разворачивается ко мне уже с подогретым молоком в картонном стакане: — Моя коллега видимо вас не так поняла.

Я благодарю ее, забирая из рук напитков, обращаю внимание, что между девушками накаляется атмосфера, и быстро удаляюсь обратно на место.

— Держи моя хорошая, — вручаю ей стакан молока и достаю из детского рюкзака ванильное печенье: — Включи себе какой-нибудь фильм.

Арина раскладывает свой планшет, ищет нужный ей фильм в папке и уходит в свой детский мир.

А я даю себе время отдохнуть.

Стараюсь не думать о случившемся, хотя мысли так и лезут в голову. В какой-то момент сама не замечаю как, но засыпаю, обнимая дочь.

Родной город встречает сыростью и отсутствием солнца, мы ежимся от прохладного ветра, ожидая такси. И благо, оно появляется довольно быстро, несмотря на высокий спрос.

Таксист помогает уложить наши вещи в багаж. Арина еще полусонная, я усаживаю ее на заднее сиденье, и она тут же падает вдоль, засыпая.

Виновато поджимаю губы, поворачиваясь к водителю. Я понимаю, что это нарушение правил дорожного движения, но у нее такой стресс, я не хочу будить.

— Все в порядке, — мужчина без слов понимает меня, и я выдыхаю, тут же поблагодарив его.

Сама сажусь на переднее сиденье, мы отъезжаем от аэропорта. Вспоминаю, что так и не выключила авиарежим на телефоне. И как только я убираю значок самолета, сообщение одно за другим сыпятся со всех мессенджеров.

Мой взор тут же цепляется за сообщение от Марата, которое было отправлено пять минут назад.

«Вы долетели?»

Пишу ему ответ.

«Да»

«Как Ариша? Как прошел полет?»

Я правда не хочу ему ничего отвечать, но решаю не устраивать показательный бойкот. Это как-то по-детски что ли. Просто сухо отвечаю ему.

«Все хорошо. Ребенок спал»

«Я рад. Прилечу к вам завтра»

К вам? Серьезно?

Пытаюсь сдержать себя от колкого ответа, что его никто не ждет и пусть остается там. Но это неправда. Ариша его ждет. И он это прекрасно знает.

Оставляю сообщение непрочитанным. Он знает, что мы долетели и, что с нами все хорошо. А остальное неважно.

Я планирую начать бракоразводный процесс, как можно скорее. Возможно, уже завтра я буду решать, как ускорить его, хоть и знаю, что разведут нас только через суд. Но я хочу быстрее.

И есть у меня один вариант.

— Моя хорошая, — на том конце провода бодрый голос подруги, кажется, она никогда не унывает: — А чего в такую рань звоним? Уже, небось, нежитесь в солнечных ваннах?

Леська полна энергии, чего не скажешь обо мне.

— Мы с Ариной в России. Только прилетели.

— В смысле? У вас же еще как минимум неделя отдыха...

— Это долгая история, Лесь. Я вообще по делу звоню, у тебя остались контакты той адвокатской конторы, где ты проходила стажировку?

— Да, конечно. А зачем тебе?

Тон подруги с энергичного переключается на недоумевающий.

Я поворачиваюсь на заднее сиденье, проверяя спит ли дочь, и уже шепотом отвечаю:

— Мы с Маратом разводимся. Мне нужна консультация у лучшего адвоката в городе.

Глава 22

Марат
Три месяца назад.

— Малыш, — подхожу к Дарине, обнимаю ее.

Тут же как маньяк втягиваю носом ее запах шампуня, как же мне нравится как эта девочка пахнет. Сквозь года запах становится все ярче. Мне кажется, я даже в толпе учую ее.

— Берестов настаивает на том, чтобы я приехал на дачу к ним сегодня. Уже и не знаю какую отмазку придумать.

— Не хочешь ехать? — она поворачивается ко мне, складывает руки на моих плечах.

— С вами остаться хочу. Тебе помощь нужна будет с Ариной. Да и знаю я чем посиделки у него на даче заканчиваются, — морщусь, вспоминая как в прошлый раз лечился от похмелья три дня.

Возраст для таких попоек уже не тот.

— Ты можешь не пить, — она смеется над моим страдальческим выражением лица.

— Ага, попробуй откажи. Он же мне все равно наливать будет. Ну ты знаешь Леню, — качаю головой.

— Езжай, — она гладит мои руки: — Ари будет спать долго с такой температурой. Отдохни, Марат. Ты работал последний месяц без выходных, я переживаю за тебя.

— Ого, — прижимаю жену за талию ближе к себе: — Моя ледяная леди переживает...

Смеюсь, хотя бывает, что тяжело с Дариной. Она и правда самая лучшая женщина для меня, но к ее эмоциям не пробраться. И чем старше она становится, тем меньше мне их показывает. А мне важно это...

Я по натуре взрывной человек, импульсивный. Благо в работе это не отражается, но вот в отношениях для меня важен огонь.

А у нас все гладко и спокойно.

Нет, жену я не готов променять ни на кого, я сколько девушек видел в своей жизни, все равно понимаю, что Дари для меня особенная.

Она другая.

Диковатая бывает, резкая, холодная, но при этом я знаю, что по жизни она не предатель. Мы многое с ней прошли, эта девочка за свою семью глотки грызть будет. И вот этот воинственный дух, что есть в ней, он дико меня возбуждает.

— Ну Марат, — она закатывает глаза: — Не начинай.

И так хочется, чтобы в конце она добавила: “Я же люблю тебя!”.

Но не скажет.

Она давно не говорила, и внутри у меня от этого не спокойно. Я переживаю, а вдруг где-то что-то сделал не так, что она охладела.

У нее глаза от бизнеса горят ярче, чем после нашего секса.

Приелось? Надоело?

Это жутко бьет по моему эго.

Сорвался бы, да поскакал по бабам, но не могу. Ни моральные устои не позволяют, ни внутренние моменты. Не хочется других, а наоборот появляется азарт раскачать свою родную малышку. Вернуть ей огонь, чтобы горела и полыхала как тогда, когда мы только начинали наш путь.

Нет, Дарина и тогда была закрытой. Но страсти было намного больше. После рождения дочери что-то сломалось в ней, появилась тревожность, настороженность, недоверие к миру еще больше стало.

Оно и понятно.

Вырасти в детдоме... Арина стала для нее катализатором страха за чью-то жизнь. До трясучки. Мы долго с этим боролись, но мне кажется Дари маниакально боится потерять дочь. До сих пор. И то, что Арина ходит на гимнастику, а это травмоопасный спорт, и то, что она вообще существует за пределами дома — большая работа жены над собой.

Я слоняюсь по дому еще какое-то время, словно внутренне меня что-то останавливает от поездки. Но понимаю, отказ для Берестова будет означать, что он сможет отказать мне в следующий раз, когда я обращусь с просьбой о помощи по бизнесу.

Мне это не на руку, особенно сейчас, перед важной сделкой.

Зацеловываю жену перед уходом, проверяю как дочь, температура не спадает. С тяжелым сердцем оставляю своих и уезжаю.

На дачу уже пребываю один из последних, посиделка в самом разгаре, Берестов травит очередной пошлый анекдот, громко крича на округу. Все гости подхватывают, смеясь заливисто. Но я то понимаю, что анекдот дерьмо полное, а смех — это просто лесть. Не более того.

— О, Маратик! — Леня замечает меня: — Ну наконец-то. Я уже думал не приедешь. А где Дарина?

— Дочь заболела, осталась дома.

— А, ну дети — это святое. Ну давай, садись уже, чего как не родной, — он тут же наливает мне стопку водки: — Штрафную за опоздание.

— Я сегодня пить не планировал, за рулем.

— Ничего, — он двигает стопку в мою сторону: — У нас если что останешься.

— Я постелю тебе в гостевой комнате, — его жена улыбается мне, накладывая на тарелку шашлык и печеный картофель.

— Меня мои ждут, — настаиваю на своем, так и не приотрагиваясь к алкоголю.

— Ну Маратик, неуважение к хозяину дома, — один из его партнеров цокает, порицая меня.

И вся эта шайка лейка жутко сейчас нервирует.

— Такси если что возмешь. Ну одну то бахни, — Берестов разочарованно качает головой.

Черт!

Опрокидываю эту злосчастную стопку, уже ненавижу себя

за слабость. Но в бизнесе иногда приходится прогибаться. И мое эго от этого страдает.

Конечно, одной стопкой не обходится. Через час я уже чувствую легкое опьянение, но пока ситуацию контролирую.

Пишу жене каждые двадцать минут смс, Дари уверяет, что у них все хорошо. Что у Ариши наконец-то начала падать температура, и эта новость меня успокаивает.

— Маратик, — Берестов подсаживается ко мне, отдает приличным омбре.

Его язык уже заплетается, а глаза в кучу.

— Помнишь я тебе говорил про племяшку свою?

— Было дело.

— Слушай, а пообщайся то с девочкой. Ты у нас тут самый молодой, а ей не хватает... Ну знаешь, скучает она.

Обвожу взглядом территорию и действительно замечаю девушку. Оказывается она все это время была здесь, но я даже не обратил на это внимания. Она ловит мой взгляд, улыбается робко, закусывает губу. И вот эти вот жесты мне не нравятся.

Флиртует. Я вижу.

Демонстративно кладу руку на стол, кручу обручальным кольцом, чтобы видно было. Она замечает этот жест, опускает голову, но и от Берестова не скрывается мое показательное выступление.

Он хмурится.

— Грубо, Марат, — качает головой: — Никто тебя не про-

сит трахать девчонку. Просто пообщайся.

— Мне зачем это? — раздражает.

— Потому что я тебя прошу, — наотмашь бьет словами: — Кариночка, иди сюда, душа моя. Я тебя с прекрасным человеком познакомлю.

Она тут же вскакивает, поправляя свою джинсовую мини-юбку и уже через секунду садится рядом со мной. Притягивает наманикюренную ручку, улыбается, глазки строит.

С другой стороны в ухо дышит Леня, подталкивая меня. Быстрожимаю руку девушки и хватаюсь за стопку, чтобы спрятаться на секунду.

— Марат, а чем вы занимаетесь? — не думаю, что ей на самом деле интересно.

Женщины часто проявляют ложный интерес, чтобы подсадить на крючок.

— Ну ладно, вы общайтесь, а я пойду покурю с мужиками.

Берестов уходит. Мы остаемся с Кариной на веранде вдвоем. Она без устали болтает, задает кучу вопросов, а я односложно отвечаю, делая паузы на алкоголь.

Ну как тут не напиться? Тоска и утопия.

— Марат, вы очень интересный мужчина.

— Карин, послушай, — отодвигаюсь подальше: — Я женат. Жену люблю больше жизни. И даже не знаю, что должно произойти, чтобы я променял ее на кого-то. Так что не обижайся, хорошо? Но я не заинтересован во всем этом.

— А что делать, если я влюбилась? — она кладет руку на

мое плечо и ведет ей вниз.

— За час?

— Да, с первого взгляда.

— Встретишь еще классного мужика, который тоже тебя полюбит. А я пас, сорри.

Понимаю, что дело пахнет жареным, когда ее рука стремительно движется к ширинке. Вскрываю, быстро удаляясь подальше.

Трясет всего, бесит все это. Берестов ловит меня у ворот, когда я уже вызываю такси.

— Зачем Кариночку обидел? — злой как черт: — Марат, разве я мало тебе помогаю?

— Мы так не договаривались, я спать с вашей племянницей не буду. Я Дарину не предаю.

— Ну я изменяю Люде и ничего, живет она лучше других, в золоте и бриллиантах.

Вспоминаю грустные глаза его жены, понимаю, что нет. Такую судьбу для Дари я не хочу. Не прощу себя.

— Лень, — ожидание такси двадцать минут: — Не могу. Я благодарен за все, что ты сделал для меня. Но другая женщина мне не нужна. Ни при каком раскладе.

— Щенок! — Берестов психует, но решает не продолжать спор.

Толкает меня и уходит, еле передвигая ногами. Понимаю, что он изрядно пьян. Но пора заканчивать нам сотрудничество...

Это переходит все рамки, а я уже встал на ноги и могу продолжить один. Без помощи.

— Марат, — девушка появляется внезапно, как черт из табакерки выпрыгивает: — Дядя вам как-то навредил? Мне так жаль.

Что неясного я ей сказал?

— Все ок.

Где это чертово такси...

— Я буду ждать тебя, — она резко делает шаг в мою сторону: — Я не отступлю. Ты мне... нужен.

Я даже не понимаю, что происходит. Она целует меня, это длится секунду, но я успеваю оттолкнуть ее.

— Не делай так больше. Иначе тебе не понравится, каким грубым я могу быть! — меня разрывает от ярости на части.

— Буду делать, — она хихикает, словно умалишенная: — И ты будешь. Иначе вот такое твоей жене покажу, — демонстрирует экран айфона, а там четко наш поцелуй.

Этой... хватило секунды, чтобы склепать компромат.

Глава 7

Подруга входит в квартиру с поджатыми губами. Арина тут же бросается к ней обниматься.

— Моя златовласка, — Леся смачно целует дочь: — Мы с тобой еще обязательно поболтаем, расскажешь мне все, идет?

— Хорошо. — кивает ей дочь, скромно улыбаясь.

— А пока нам с твоей мамой надо кое-что обсудить...

Многозначительно глядя на мою дочь, она снимает свое кашемировое пальто.

— Ариш, иди пока в свою комнату. — отправляю дочку, понимая, что сейчас начнется допрос с пристрастием.

Олеся, наша подруга еще со школы. Собственно, мы вместе дружили и были в одной компании. Я начала встречаться с Маратом, а она флиртowała со всеми его друзьями, даже некоторое время была в отношениях с одним из них.

Но Михалева крайне свободололюбивая натура, поэтому не спешит обременять себя узами брака. Эта рыжая чертовка наслаждается вниманием мужчин, в открытую флиртует, но не переступает черту. Только в том случае, если симпатия бьет ее собственную планку.

— Мам, а можно я тогда погуляю во дворе, если Варя выйдет? — Арина без слов понимает о чем будет наш разговор.

— Ладно, только не забудь телефон. — отпускаю дочь и

фальшиво улыбаюсь.

Эта улыбка уже раздражает саму себя, но как иначе. Если она увидит, как я буду убиваться горем, то на кого я буду похожа?

На ту, которая готова забыть обо всем, только потому что ее предал мужчина.

Нет.

Моя дочь будет сильной девушкой и не позволит вытирать об себя ноги, даже если внутри все будет растерзано до основания.

Леся проходит в гостиную, тут же командует.

— Тащи бокалы, подруга. — достает из пакета две бутылки белого сухого, и со звоном ставит их на журнальный столик.

Наша квартира полностью проект сердобольного дизайнера. Эту девушку я в свое время нашла чисто случайно. Тогда она только начинала свою деятельность, но встретившись с ней я не прогадала. Крайне утонченная особа, с изумительным вкусом. От нее прямо веет воспитанием и благородством, а я редко встречала таких людей.

Поэтому, несмотря на отсутствие большого количества проектов за ее спиной, она тут же запала мне в душу.

Теперь яркие акценты у нас играют красками: стена в гостиной окрашена в насыщенно изумрудный цвет, а белая напольная плитка под мрамор разбавляет буйство красок вперемишку с мебелью и деталями под дерево. По сути, в каж-

дой комнате свой цвет, как своего рода, личное пространство под запрос.

Только мой кабинет тоже зеленый, потому что это любимый цвет, у Ариши пыльно розовый, наша спальня оливкового, а у Марата в его рабочем пространстве глубокий синий.

Ставлю бокалы на столик, садясь с ногами на диван. Подруга бойко берет штопор и бутылку. До того момента, как бокалы не наполнены кисловатой жидкостью, она молчит.

— Я готова. — берет бокал, понимая его в воздух.

— Да нечего особо рассказывать... — вяло начинаю, повторяя ее движение: — Мы застали его в номере с какой-то стервой.

Добавляю слишком резко, чтобы скрыть, что это меня не задевает.

— Прямо в процессе?! — изумленно спрашивает и хмурит брови.

— Нет, скорее это была жаркая прелюдия. — тяну вспоминая тот эпизод.

— И что он сказал в своё оправдание? — продолжает допытываться, не давая никакой реакции.

— Что я его не люблю. — вскидываю брови и усмехаюсь.

Леся пригубливает вино, очевидно, анализируя мои слова.

— А ты любишь? — спрашивает, как по мне, несусветную чушь.

— Лесь! — возникаю, тут же вспыхивая: — Ну а как?! Мы вместе столько лет! Если бы не было любви, я бы оставалась

с человеком, по-твоему?!

— Да, прости... — зажевывает губу: — Просто это так неожиданно. — снова делает глоток вина: — Я помню вас, вы же в рот друг другу заглядывали.

В недоумении пытается найти объяснение. Я тоже прошлой ночью пыталась. Но так и не нашла ни логики, ни каких-либо причин такого поступка.

— Да, наверное, наши чувства, они...

— Ой, не смей моих коней! — восклицает: — Не поверю, чтобы они изжили себя. Ни у Марата, ни у тебя, Дарин.

— Я не знаю... — сокрушенно выдыхаю, наконец, являя свою уязвимость: — Я никогда бы не подумала... он ведь был моим героем, Лесь. От одного взгляда на него плавилась. Как тогда, так и сейчас. Так было...

— Потому-то я и не пойму. — мрачно выдает она: — Марат не кобель же. Одержим ведь тобой был... Вообще, как ваши отношения до были? — смотрит изучающе, а я пожимаю плечами.

— Ну как... как и всегда, просто работы много навалилось. Он новый регион взял, а у меня сама знаешь, скоро показ.

Подруга молчит, снова отпивая вино, и тут же наливает снова.

— А тебе не кажется, что вы отделились? — несмело звучит, а я задумываюсь.

— Да не сказала бы...

— Дарин, давай начистоту... — складывает ноги по-турецки: — Вы оба с характером. Уверена, соберись бы мы на встречу одноклассников, они бы очешуели, увидев вас до сих пор вместе... — не понимаю к чему она ведет, но согласно киваю: — И Марат мужик ведь. Классный, но мужик. — снова осторожно подтверждаю: — А мужику, что надо?!

Она определенно хочет, чтобы я разгадала этого крокодила, но я не могу. Пью вино и судорожно ищу догадки.

— Что? — вопросительно смотрю на нее, а она глубоко вздыхает.

— Если он сказал, что изменил, потому что не любишь... значит, что не чувствовал этого от тебя. И прежде чем ты начнешь верещать, я объясню. Они ведь все кобели, любят глазами. Это восхищение, слова любви, какой он молодец, какой замечательный, практичный, умный. Ну просто, черт возьми, нереальное существо какое-то...

Смотрю на нее с отчетливым скепсисом.

— Ну и что?! Двадцать лет значит вместе, а тут вдруг, бедный несчастный, не любят его?! Абсурд, Лесь!

— Моя хорошая, ты у меня слишком самодостаточна, чтобы того, что было у вас в школе хватило на всю жизнь...

— Подожди, то есть ты хочешь сказать, что я реально виновата в измене своего мужа?! — ошарашенно смотрю на нее, с готовностью бросить этот бокал об стену.

— Нет, Дариш. Я хочу сказать, что вы совершенно перестали друг друга понимать, и разговаривать. — поджигает

губы: — Я ни на йоту не оправдываю его, и с энтузиазмом настучала бы каблуком по голове. Но не может быть такого, что он изменил, потому что кого-то полюбил. Скорее он сделал это...

— Потому что думает, что я с ним для галочки? — пытаюсь закончить за нее предложение.

Она пожимает плечами, а я сижу в полнейшей прострации.

— Просто подумай, у вас уже ячейка общества, каждый при деле, дочушка золото... — продолжает она: — И пока он испытывал необходимость в себе, тебя например, поддерживать, проблем ведь не было. А сейчас, ты отключилась, тебе это не нужно и он...

— Почувствовал себя лишним... — со стеклянным взглядом в стену заканчиваю за нее.

— Да. — с сочувствием подтверждает подруга.

Тру лицо, отставляя бокал на столик, уже нет сил переживать, честное слово. А голова просто не может уложить и переваривать этот разговор, однако, отпечаток он оставляет.

И я решаю, что как бы то ни было, подумаю на эту тему. Но от прежней цели не откажусь.

Какая бы причина не была, даже если и я виновата, содеянного уже не изменить. Я не смогу ему теперь верить... никогда.

Профукать все крайне просто, одним действием. А вот восстанавливать сломанное, увы, не всегда возможно.

— Ты взяла визитку той конторы? — шумно выдыхая спрашиваю у нее.

Олеся тут же кивает и лезет в карман своих джинс.

— Вот. Я уже там переговорила с одним... — между делом сообщает: — Ярослав. Если что не женат, детей нет. — добавляет со смешинками в глазах.

— Сбрендила?! — вылупляю на нее глаза.

— Ну а что?! Крайне хорош собой. Крайне. — наклоняясь вперед, показывает знак класс: — Не Исаков конечно, но рядом бы постоял.

Смеюсь на высказывание, откровенно хохочу.

Но вместе с тем, мой скоро бывший муж максимально привлекательный мужчина. Несмотря на ситуацию, я способна трезво оценивать его мужскую красоту.

— Придумаешь тоже... — наконец, успокоившись отвечаю: — Назначу встречу. По разделу имущества скорее всего проблем не будет, зная Марата. А вот с самим разводом, вопросик. — снова беру вино, желая чтобы хоть немного расслабило.

— Марат, скорее себя только с трусами и оставит, Дарина. Не глупи. — серьезно замечает подруга: — Ну а с получением согласия и Ярославчик помочь сможет...

Подруга играет бровями, снова вызывая взрыв нашего хохота. И я хотя бы ненадолго позволяю себе просто абстрагироваться.

Глава 8

— Ариш, я тебя заберу после пяти, хорошо? — подъезжаю к детскому спортивному центру, где дочь занимается гимнастикой.

Иногда походы туда сопровождаются слезами и криками, я давно предлагала ей закончить занятия, но она каждый раз сквозь свои слезы, нежелание идет туда. Я не смею ей запрещать.

Как только Арина родилась, мы сразу с Маратом выбрали определенную тактику в воспитании. Слушать ребенка и проявлять интерес к ее желаниям. Захочет бросить гимнастику и пойти играть на пианино — пожалуйста, запрещать не станем.

И каждый раз, когда она идет на занятия с прискорбным выражением лица, я предлагаю ей выбор. Не давлю на нее, не вынуждаю. И она, как самостоятельная личность, делает его. И почему-то всегда в пользу того, чтобы продолжить заниматься гимнастикой.

Характер у нее смешанный. Иногда проскальзывают мои черты, а иногда я смотрю на нее и думаю, что она вылитый Марат.

Например, когда ей что-то нужно, она не ведет себя как обычная девчонка. Не прибегает к папе на ручки, не садится к нему на колени и не выпрашивает. Она подготавливает

целую аргументацию, почему ей эта вещь нужна и почему именно сейчас.

И это стопроцентная черта Марата. Он прагматик, все любит просчитывать, составлять план, заглядывать в будущее и наперед анализировать события.

И дочь такая же.

А я нет. Я другая. Я живу здесь и только сейчас. Потому что детдом научил меня одному правилу — будущего может и не быть, а если и будет, то не самое радужное. Не знаю почему, но нас было принято воспитывать под каким-то вечным гнетом, упреками, иногда даже битьем.

Я еще тогда себе сказала, что никогда в жизни не стану так обращаться со своими детьми. Но воспитатели и не были мне родителями.

Единственная проблема, которая осталась со мной, это некая отстраненность и холодность. По отношению к людям в целом. С дочкой я так не делаю, она мой ангелок, и самый важный человек.

Но вот с остальными... Это происходит непроизвольно. Если человек поступает иначе, в разрез с моими принципами, то я закрываюсь и гну свою линию. Не гибкая. Вовсе.

— Ты на работу? — дочь допивает яблочный сок из картонной коробочки, издавая трубочкой гудящие звуки.

— Нет, хочу съездить на нашу квартиру старую. Помнишь, мы там жили до того, как ты в школу пошла?

— Не-а, — дочь мотает головой, — Не помню, ма.

— Ну... Тогда для тебя все будет в новинку, — улыбаюсь ей.

— Что именно? — она сунит свои бровки, совершенно не понимая, куда я веду. Не знаю, нужно ли ей говорить прямо сейчас. Или стоит сказать чуть позже.

— Ничего, котенок. Расскажу потом. Сюрприз будет!

Она как-то косо на меня смотрит, молчит, разминая пальцы на своих руках. Нервничает.

— Хороший? — говорит так тихо, что я еле разбираю слова.

— Просто папа уже сделал нам сюрприз, — вдруг говорит громче, — Мне не понравился.

И что отвечать на это? Почему не выдают пособия, как вести себя с детьми, которые видят измену одного из родителей?

Наверно... Потому что это не рядовая ситуация.

— Ты хочешь снова об этом поговорить? — аккуратно задаю ей вопрос. Если ей важно обсудить что-то, я дам ей эту возможность.

— Нет, ма, — отмахивается, — Просто вспомнилось. Ладно, я побежала, — целует меня в щеку и выпрыгивает из машины.

Бежит к крыльцу спортивного комплекса, по пути ее перехватывают девчонки, и она уже забывается от всех проблем пустой болтовней, оставляя меня с мыслями наедине.

Не знаю, как сказать дочери, что хочу переехать. Решение

я приняла спонтанно, но сейчас мне нужно будет чаще бывать в городе, решать вопросы по бизнесу и по бракоразводному процессу, поэтому расположение нашей старой квартиры мне больше подходит.

Планирую сделать там косметический ремонт небольшой, мебель кое-где заменить и можно будет заезжать.

— Диана, добрый день! — набираю своего дизайнера, — Я буду на месте минут через пятнадцать. Надеюсь, вы опаздываете. Потому что я да.

Диана очень милый человек, с ней безумно приятно работать. Хотя у нее и не так много опыта и не супер богатое портфолио, но та энергетика, с которой она подходит к делу, впечатляет и завлекает.

— Ой, как хорошо, что вы опаздываете, Дарина! Я сына встречала, он приехал к нам в гости с другого города, и тоже не успеваю.

Слышала, что ее сын олимпийский призер в юношеском разряде по плаванию. Это достойно уважения. И ребенка и его родителей.

— Без проблем. Тогда не торопитесь, я вас подожду там. Мы прощаемся, я включаю легкую музыку и спокойно доезжаю до старой квартиры, никуда не спеша.

Захожу внутрь, не решаясь сбросить туфли, потому что тут не убирались миллион лет. Включаю везде свет, прохожусь по комнатам и когда захожу на кухню, то застываю в проеме.

Мне становится немного не по себе.

Все тело парализует, потому что догадки одна за другой пронзают голову как стрелы.

Сейчас меня никто не видит, не нужно быть сильной. Поэтому я позволяю слезам тут же сорваться вниз по лицу.

Обхожу стол, где стоит пустая бутылка красного вина, два бокала, на одном из которых виднеется алая помада, и немытая посуда.

Дрожу всем телом и как мазохистка разглядываю этот натюрморт. Не замечаю, как на глазах образовывается пелена. Прикусываю губу, складываю тарелки в раковину, туда же бокалы.

Все же скоро приедет посторонний человек, не хочу, чтобы это кто-то видел.

Размеренно дышу, сжимая зубы, и чувствую, как капля соленой влаги оставляет след на моем лице.

Впервые в жизни жалею, что оказалась права. Он...

Прикрываю глаза, пытаюсь уговорить себя собраться.

Открываю дверцу под раковиной, чтобы выбросить бутылку, и моя рука резко дергается, словно по ней током дернуло. На самом деле, это невыносимо сильная боль пронзила мое тело.

Я четко вижу на дне мусорного ведра использованный презерватив.

Больно. Это слишком, Марат.

Даже для меня.

Оседаю на пол, оставляя дверцу открытой. Чувствую, как надламывается внутри и накатывает истерика. Но не готова себе позволять реветь. С глухим воем сдерживаю слезы, глотая рыдания и чувствую себя, как никогда, слабой и уязвленной.

Жестоко понимать, что у него были не только поцелуи в качестве показательной демонстрации для меня.

Он был здесь с кем-то.

И скорее всего не один раз.

Глава 9

— Проходите, Диана. — натягиваю вежливую улыбку, а глаза до сих пор щиплет.

— Рада вас видеть.

Женщина добродушно улыбается. И хотела бы я отмотать назад до того, как обнаружила здесь следы его предательства.

— Это взаимно.

— Что ж, — осматривается: — Чего желаем здесь?

А я стою в ступоре, потому что в голове только чертово мусорное ведро застыло бельмом.

— Дарина? Все в порядке? — замечая, она участливо спрашивает.

— Да, да. Мне просто нужна минутка. Вы пока осмотритесь. — небрежно указываю на квартиру.

А сама скрываюсь в одной из комнат.

Соберись.

Сжимаю глаза со всей силы, и сминаю белую ткань, что скрывает кровать.

Выгляжу, полагаю как душевнобольная.

Но сейчас, вот сейчас, еще подышу и пойду.

Поднимаю глаза к потолку, пытаюсь удержать предательские слезы. Шумно выдыхаю, помахав руками у глаз.

Выхожу из укрытия, и ищу женщину, которая уже делает пометки в своем планшете.

— Диана, мне очень неловко. Крайне не приемлемо такое поведение, но нам наверное, нужно отложить консультацию.

Она поджимает губы и слегка улыбается.

— Я понимаю. — звучит как-то слишком осознанно: — Ничего страшного. Как будете готовы, звоните, я выкрою денек.

Смотрю на нее, и даже от этого хочу реветь и злюсь на себя за слабость.

— Спасибо вам огромное, — выходит шепотом.

А она с секунду поразмыслив, вдруг говорит.

— Душевная боль, ее видно за милю. Не переживайте, я буду ждать связи.

Ошарашенно смотрю на девушку, часто моргая.

— Да, у меня сейчас в семье... — сложно говорить это постороннему человеку, но в себе держать еще сложнее: — Я с мужем развожусь и поэтому...

Она опускает глаза и глубоко вздыхает.

— Я была на этом пути, поэтому прекрасно вас понимаю. — отвечает она, делая напоследок несколько фото: — Я начну разрабатывать наброски, если они устроят вас, то продолжим в эту сторону. Если нет, то выслушаю ваши предпочтения и откорректирую.

Хмурюсь, я ведь знаю, что она замужем за крупным бизнесменом, двое детей.

— Вы в разводе? — не шибко воспитанно вылетает из меня.

А она, оборачивается и усмехается.

— Нет, я не смогла.

Кажется, нам можно обсудить даже больше, чем я думала. Провожая ее взглядом, не решаясь сейчас интересоваться.

Уверена, это наша не последняя встреча.

— Вы замечательная женщина, сильная и независимая. Я такой не была. — говорит она напоследок: — Но не считите за грубость, один совет все же могу вам дать. Поговорите с мужем, просто поговорите. Этот урок я выучила на всю жизнь.

Она прощается, а я еще долго смотрю в одну точку, анализируя сказанное.

Спустя несколько часов мы уже заходим с Ариной домой. Она ведет себя тихо, не знаю, наверное чувствует.

Я пытаюсь прийти хоть к какому-то порядку внутри себя. Этот бесконечный хаос в мыслях порядком изводит. А это состояние негативно отразится и на ребенке, и на работе, и на самой себе.

— Ариш, голодна? — прохожу на кухню за водой.

— Мам, уже шесть. Нельзя.

Вздыхаю, переводя взгляд на часы, половина седьмого.

— Может, хотя бы яблоко? — без особой надежды предлагаю.

Она появляется передо мной, и взгляд такой немного с упреком, что вызывает вялую улыбку.

— Ладно, уговорила. — спустя секунду улыбается, а я до-

стаю фрукт из холодильника.

Пока мою, слышу, как в коридоре звучит щелчок двери. Замираю, а сердце тут же пускается вскачь.

Явился, значит.

— Папа? — слышу, как Арина отходит и удивляется, тут же оборачиваясь на меня.

— Привет, моя звездочка. — слышу его низкий голос, и даже представляю, как он присел, глядя на нее и рассматривая с приподнятым уголком губ: — Как у вас дела? Как мама?

Не слышу ответ дочери. Так и не выключив кран с водой, сжимаю яблоко, облокотившись второй рукой на раковину.

Не нужно даже оборачиваться, чтобы почувствовать его присутствие спустя пару минут.

— Здравствуй, Дарина.

Глубоко вдохнув и поднимая подбородок, оборачиваюсь на него.

— Видеть не рада, Марат.

Он, прислонившись к косяку арки, скрестил руки на груди и задумчиво усмехается.

— Поговорим? — проходит ближе к островку посередине кухни.

— Я мнения не поменяла, Марат. — пытаюсь держать себя в руках, чтобы не накинуться на него помять это невозмутимое лицо.

Он молча кивает, опуская ладони на столешницу.

— Как и я.

— Мне вот интересно, ты...

— Что?! — перебивает и прищуривается.

— Тебе даже не стыдно?

— А тебе все еще плевать? — вздергивает в ответ бровь.

Смотрю на него, чувствуя, как волна обиды, гнева, разочарования и чего-то дикого, стремительно поднимается во мне.

Марат видит, чувствует, уверена.

Иначе бы в его глазах не было той бури, которую он демонстрирует мне.

— Поверить не могу! — цежу сквозь зубы: — Кто ты такой?! Мой Марат, он бы никогда...

— Твоим мужем был, им и останусь. — отрывается от столешницы: — Слышишь, не убежишь от меня. И поверь, я готов на многое....

— А это я уже поняла! — повышаю голос на него: — Ты ее сам притащил в отпуск?! Чтобы не скучать с холодной не любящей женой?! Поездку оплатил?! Чего ж номер то не снял?! Боже... — выдыхаю, выключая бесящий кран: — Не могу поверить, что ты до такого опустился, Марат! — восклицаю, разочарованно усмехаясь.

— Опустился... — повторяет он: — Дари...

Посылаю в него озлобленный взгляд.

— Ну хотя бы уже что-то. — вздергивает бровь и кривит рот.

— Да пошел ты, Марат! Собирай свои вещи, и вали на все четыре! — указываю рукой в сторону коридора.

Но он не двигается с места.

Напротив, приближается, прожигая тяжелым изучающим взглядом.

— Думаешь, я разлюбил тебя? — как-то тихо и зловеще звучит.

— Ты в своем уме?! Любимым не изменяют.

— В том то, Дарина, и дело. Когда чувствуют эту любовь.

— Да что ты заладил?! Как попугай! Я с тобой была, слышишь! С тобой, чертов ты... — прикрываю глаза, понимая, что выхожу из себя: — Всегда с тобой была и, ты знаешь...

— Знаю! — повышая голос, рычит: — Слишком хорошо знаю, что говорить тебе бесполезно! Если ты считаешь иначе, хоть убейся об стену, докажи тебе еще свои опасения!

Он резко замолкает, а я ошарашено смотрю на него. Взгляд его глаз ползет к губам, и потом снова возвращается выше.

— Легко думаешь показаться рядом с тобой слабым?! Когда тебя, собственная семья кроме дочери, оставляет за бортом?! Когда я, мать твою, даже не знаю, где пропадает собственная жена! — он словно зверь надвигается ближе, очевидно, совершенно теряя рассудок.

Ноздри раздуваются, в глазах мелькает столько эмоций, что я на секунду теряюсь. Но беру себя в руки, вскидывая подбородок.

Марат замечает это движение, и стоя уже практически вплотную, со зловещей ухмылкой качает головой.

— Еще раз. — практически касается своим лбом моего:
— Развода не будет, Дарина.

— Я уже подала заявление.

— А мне начхать. — нагло заявляет, и прожигая взглядом, будто наклоняется еще ближе.

Реакция молниеносна, и я, поднимая руки, толкаю его от себя подальше.

— Не смей касаться меня после той дряни! — кажется, что я и сама рычу: — И соизволь на будущее найти для ваших утех другое место!

— Мама? — испуганное лицо нашей дочери появляется на кухне.

Марат прикрывает глаза, а я цепляю нервную улыбку.

— Звездочка, пойдем поболтаем? — ее отец оборачивается к ней.

Но Арина не двигается с места, а на лице такая мука, что мне хочется прижать своего ребенка и подарить хотя бы какое-то ощущение тепла.

— Пап, тебе лучше уйти. — говорит она тихо, но при этом стойко.

Марат шумно выдыхает и я отчетливо вижу муку на его лице. Мне и самой больно в этот момент.

Откровенно, не знаю, что сделать и что говорить.

— Ариша...

— Уходи. Я не хочу с тобой говорить.

Дочь смотрит на него, пряча обиду и печаль.

А у меня сердце разрывается на тысячу кусочков.

— Ты... — вижу, что он готов вывалить еще кучу нелестностей в мой адрес, но замолкает.

Стараюсь держать лицо и не показывать, как мне на самом деле жаль. Но это те последствия, которых он заслужил.

И с секунду помедлив, он стремительно покидает наш дом, громко хлопнув входной дверью.

Глава 23

Все еще мусолю его слова в своей голове. Так и не выходит из головы, ежесекундно проговаривается, что он готов воспитывать сам, исключив меня.

Да, противоречиво, потому что я не могу сейчас поступиться работой. Но и с другой стороны, чувствую себя каким-то извергом, а не матерью.

И это, к слову, поганое чувство, потому что я отнюдь не такая. Я не похожа на своих родителей, которые бросили меня, еще даже не разглядев.

Я просто так не смогу.

Тру лицо, пытаюсь выкинуть ворох мыслей хотя бы на какой-то небольшой промежуток времени. Да, оно неумолимо течет, и надо уже что-то думать, иначе будет поздно, но...

— Мам, — слышу, как Арина зовет из своей комнаты и тут же отбрасываю планшет с выбором тканей.

— Да, звездочка. — вхожу в комнату, замечая, что она сидит за столом, разложив перед собой учебники.

— Можно я не пойду завтра в школу? — на лице такая мука, что сердце кровью обливается.

Сажусь на ее кровать, подтаскивая кресло на колесиках к себе, и смотрю в глаза дочери.

— Почему ты не хочешь? — стараюсь звучать мягче, чтобы она понимала, что я ее друг.

Не враг, который будет насильно заставлять. В рамках разумного, и опять же это разумное, исходя из того, что мы воспринимаем за свои рамки.

— Ну...нога, — она смотрит на гипс, и я прямо чувствую, как от нее исходит разочарование в себе.

— Малыш, — поднимаю подбородок, пытаюсь вселить в нее уверенность: — Ты боишься, что над тобой будут смеяться?

Она поджимает губы и уже готова всхлипывать.

Господи, как же сейчас не хватает Марата. Он всегда вселял в нее уверенность, что лучше нее никого на этом свете нет. Своей отцовской любовью затмевал страхи девочки.

— Пальцем показывать будут...

— И что?! — тут же беру ее за обе щеки: — А ты покажи им шпагат с этим гипсом и утри нос, пусть попробуют сделать то же самое.

Ариша улыбается, понимая, что я пытаюсь разбавить обстановку.

— На самом деле, дочь, ты можешь не идти. — серьезным взглядом даю понять: — Это твой выбор сейчас прятаться и бояться пересудов, но... никто в этом мире не имеет права тебя обижать, а если они все же решатся это сделать, ответь им.

Она смотрит с улыбкой.

— Как папа учил? — смеюсь вместе с ней, кивая.

Марат однажды пытался объяснить ей. Когда ей было, по-

моему, шесть, что если ее толкнули на детской площадке, и не извинились, не приняли во внимание ее слова о том, что так делать нельзя, значит нужно действовать агрессивнее. А когда Ариша спросила как это агрессивнее, муж с мольбой в глазах смотрел на меня, вызывая во мне истерику минуты на две.

Хорошее было время. Счастливое...

Мы обе замолкаем, я уплываю в то время, когда мы с ним были на одной волне. Арина же наверняка задумывается о том, что ей предстоит сделать выбор.

— Ты подумай, ладно? Мы можем на время договориться о дистанционном обучении... — все же даю понять, что это возможно и зазорного в том, что она боится ничего нет.

Отвлекает от ее ответа щелчок двери.

Мы обе переглядываемся, внутри отчего-то усиливается давление и я знаю, что это он. Няню я сегодня отпустила, сказав, что буду дома, и устрою себе выходной.

— Это папа? — Ариша шепчет, боясь показать мне свою радость, я же пожимаю плечами и киваю ей.

Слышу шаги в коридоре и хочу встать уже с кровати, как он заглядывает в дверь.

Усталый, в неформальной одежде. Нет привычного костюма, обычный пуловер и джинсы.

— Привет, звездочка, — хрипит он посылая в нее тоскливую улыбку.

На душе тут же становится тягостно.

— Извини, — обращается уже ко мне: — Я ключи сегодня оставлю, в следующий раз предупрежу.

Киваю на его слова, чуть нахмутив брови.

— Я тебе кое-что привез, — проходит в комнату, вопросительно приподняв бровь: — Можно?

Поправляю волосы, боже, это ужасно, что он спрашивает разрешения войти в комнату своего ребенка.

Ариша улыбается, и пытается подъехать к нему ближе.

— Что привез, пап?

Марат достает из-за спины набор каких-то фломастеров.

— Сейчас мы будем делать самый красивый гипс в этом городе, — он отчаянно скрывает свое состояние.

Я вижу.

Глаза совсем не улыбаются, а сам будто весь на иголках.

— Вау! Но у меня же полно... — оборачивается на свой стол.

— А эти, неоновые, — Марат присаживается перед ней на колени: — В темноте светятся, представляешь?!

С деланным удивлением озвучивает и прижимает к себе дочь.

Неловко, сильно неловко в этот момент мне. Кажется, снова слабость наваливается, тошнота и дурнота.

Он посылает взгляд на меня из-за спины ребенка, а я теряюсь. Рвано дышу, пытаюсь усмирить свое состояние.

— Пойду кофе сделаю, — резко встаю с дивана, чуть пошатываясь.

— Ты в порядке? — тут же летит вопрос мне в спину, а я молча киваю, скрываясь в коридоре.

Останавливаюсь у столешницы, забивая турку, и ставлю на плиту, жду.

А сама не представляю, вряд ли он просто так уйдет, учитывая наш последний телефонный разговор.

Машинально из холодильника достаю продукты, может быть он захочет перекусить.

В конце концов, я не собираюсь прогонять мужчину. Он пришел к дочери, он, в принципе, поступил так, как большинство мужчин при разводах не поступают.

Открыл новый счет для Арины, и не только для нее. Перечислил туда суммы, на которые я уже сейчас могу купить еще одну квартиру, и все это без вычурной показательности. Молча, даже не появляясь передо мной.

На скорую руку готовлю перекус, нарезаю овощи, достаю фрукты. Нам надо поговорить, спокойно, без криков. Нам надо решить, как быть в этой ситуации и что делать дальше.

Когда кофе уже остывает в чашках, а на столе готов импровизированный ланч, он появляется в кухне.

— Я готова поговорить Марат, — поворачиваюсь тут же: — При условии, что это будет спокойный разговор.

Он молча смотрит, проходится по мне взглядом, видимо что-то отмечая про себя, потому что губы сжимаются в горькой полуулыбке.

— Я не уверен, что сейчас смогу говорить спокойно, Дари,

— тихо озвучивает: — Но за приглашение спасибо.

Указывает на стол.

— Не нужно было себя утруждать. Тебе сейчас надо...

— Марат, — останавливаю, и сама не понимаю, что хочу сказать: — Хорошо, давай просто обсудим, что будем делать. Даже если и не спокойно, как можем.

Эти внутренние стенания высасывают меня, и пока я не пойму, что делать дальше, я не успокоюсь. А это вредит всему за что я берусь.

— Я против аборта, ты это слышала, — уже чуть громче заявляет: — Понимаю, что тебе сложно... — он кивает, а я пытаюсь, правда, пытаюсь, сейчас не думать эгоистично: — Однако, Дарина, это и мой ребенок тоже.

— Я не могу на девять месяцев, на целых девять месяцев тормозить работу. Берто ждет меня в Милане через два месяца с готовой коллекцией. И это только старт, Марат, ты понимаешь?!

От нервов мечусь по кухне, а он все так и стоит, не смеет подходить ближе. Будто намеренно держит дистанцию, потому что если встанет ближе, то сорвет.

— Если даже сейчас я не откажусь... Сделаю, приеду в Милан, проведу показ, дальше может увеличиться объем работы, мне нужно будет...

— Дарина. — чеканит, определенно уже вряд ли себя чувствую спокойно: — Я сказал тебе по телефону. Если ты выберешь аборт....

Он даже зубы со звуком сжимает от того коллапса, что происходит в нем.

— То что? — останавливаюсь и непонимающе хмурясь.

Я серьезно не понимаю. А он подходит ближе, прямо вплотную.

— Мне будет очень тяжело, — с видимой силой воли хрипит: — И любить тебя и ненавидеть одновременно. Но я начну ненавидеть, Дари, а этого я не хочу.

Гуляет желваками, а меня окутывает запах.

Так, что мне прямо на секунду хочется прикрыть глаза и вдохнуть. Такая тоска в душе поднимается, сама собой. Но я знаю, что это действие гормонов.

— Ненавидеть?! — усмехаюсь, скидывая секундный морок: — Как, кстати, на свидание сходил?!

Бью. Отчаянно и с силой бью туда, где болит.

Сама себе.

Он вздергивает бровь, и я вижу как расходятся крылья его носа. Намеренно скрещиваю руки на груди, он знает этот жест.

Мы оба знаем движения друг друга, как облупленные.

— Что ты несешь? — устало задает вопрос, контролируя свои эмоции.

— Заходила твоя Карина, платье подбирала. Надеюсь, ты оценил значение желтого цвета?!

И да, я провоцирую, сама, черт возьми, знаю. Просто надеялась, что отпустила эту выходку, однако, кажется еще нет.

Ответ просто ждал своего времени.

Марат прикрывает глаза и матерится, сочно так, с чувством.

— Не было, мать ее, никакого свидания! — чеканит по-дойдя ближе: — Пойми ты, наконец, я бл*дь не смог бы даже встать рядом с кем-то, кроме тебя! Эта мразь провоцирует, потому что Берестов давит на болевые!

Выплевывает со злостью, а я все еще стою на своем, хоть и червяк сомнения закрадывается в голову. Знаю я этого Леонида и жену его.

— Серьезно?! — деланно удивляюсь: — Что же ты тогда в подсобке на показе забыл с ней?! Показывал инвентарь уборочный?!

Раздражение берет новые высоты, а эмоции буквально захлестывают.

В нашем состоянии нам совершенно нельзя друг друга видеть.

— Да-ри-на! — он словно зверь, повышает голос: — Плохо ей стало, Берестов попросил...

— Ой, все, — отмахиваюсь и отворачиваюсь, чтобы отойти подальше от него.

Только чувствую на талии руку, которая аккуратно ложится на живот и притягивает к себе.

— Неужели, я настолько урод в твоём понимании?! Поведусь на какую-то малолетку, у которой в голове нет извилин?! — хрипит в ухо, делая глубокий вдох: — Ты убиваешь,

Дарин, а я и рад погибнуть от твоих рук.

Он говорит это шепотом, разгоняя горечь на нашу жизнь.

Пытаюсь освободиться, но Марат не отпускает, а затем, я слышу едва различимое:

— Не лишай меня ребенка, Дари. Потому что иначе я не знаю, как выдержу все это дерьмо...

Резко он убирает руки и стремительно уходит, оставляя меня в холоде.

Зябко сразу, а место, где лежала его ладонь, будто фантомно отдает толчками.

Кладу свою руку, пуская одинокую слезу.

Он ведь прав...

Я не смогу избавиться от ребенка. Он ни в чем не виноват, а с Берто я поговорю, вдруг, он войдет в мое положение. В конце концов, могу нанять управляющую, которая будет держать на контроле и вести мне полный отчет.

Глава 24

Марат

Дубаи

— Мы ушли! — Дарина кричит из коридора, подрываюсь тут же с места.

— Куда? — недоуменно смотрю на жену: — Договаривались же, что я созвон закончу и пойдем на пляж...

— Марат, — она устало закатывает глаза. Дочь уже убежала вызывать лифт, ю: — Ты либо работай, либо отдыхай.

Ее слова звучат как пощечина. И я вижу раздражение в ее глазах. Ощущаю, как теряю жену с каждым днем, а понять не могу, что происходит.

— Может поговорим, Дари? Ты не чувствуешь, как между нами все накалено. Что происходит?

— Ничего, — она пожимает плечами, выражая всем своим видом, что не собирается ничего обсуждать.

Выпускает свои иголки, как ежик колючий.

— Ну я же вижу...

— Марат! Хватит, — она слегка повышает голос, а потом бегло выглядывает в общий холл, уже говоря тише: — Ты хотел, чтобы мы все вместе отдохнули. Мы приехали, а у тебя второй день то созвоны, то еще какие-то важные дела. Между прочим, ребенок переживает, что папы нет рядом. Тебе комфортен такой отпуск?

Я знаю, что когда Дари злится, она может сделать максимально больно, специально жала словами. Но обычно она быстро отходит, потом извиняется за грубость.

Привык. Люблю ее любой.

А сейчас проблема не в ее словах, а в ее взгляде, жестах. Я ее бешу, раздражаю. Нетерпеливо стучит ногой, желая скорее покинуть номер.

— Дарин? — ловлю ее руку, сжимая, а она вся холодная.

И то ли дело в кондиционере, то ли моя малышка охладела. Больно чертовски.

— Не закрывайся. Прошу тебя... Если дело в работе, — выдыхаю через рот: — Осталось совсем чуть-чуть, а там сделка. И я свободен буду. Ты же знаешь, что все, что я делаю, это только ради вас с Ариной.

— А мы просили? — ее красивые малиновые губы сжимаются в тонкую полоску: — В чем дело, Марат? Сколько можно? Я не понимаю... Ладно этот Берестов тебе звонит ночами, когда мы дома. Но что было сегодня ночью? Почему ты позволяешь ему это делать? Ты что, собачка на побегушках у него? Объясни!

Она взрывается подобно детонатору. Всплескивает руками в стороны, выдергивая одну из моей хватки.

Вспоминаю этот идиотский ночной звонок. Берестов, и правда, позвонил, был изрядно пьян, просил, чтобы я приютил Кариночку у себя. Уже тогда чувствовал, что нужно послать. Обрубить. Грубо.

А потом он и вовсе заявил, что было бы неплохо, чтобы его племянка наведалась ко мне на отдых и поселилась в соседнем номере.

Для чего?

Я толком не мог понять, какой план у Леонида. Для чего так активно подталкивать молодую девчонку в мою постель? Я ничего не могу ей предложить. И не собираюсь.

Когда Берестов звонил, Дари сладко спала. Я так думал. По итогу же... Все слышала. Тут же внутри поднимается тревога, могла ли она слышать контекст, о чем мы именно беседовали.

Наверно, будет правильным рассказать ей все как есть. Хватит вынашивать все это в себе, и так тошно.

— Малыш, есть кое-что, что ты не знаешь, — беру ее за плечи, успокаивая: — Надо было давно сказать, но я не хотел тебя тревожить. Ты усердно работала над показом...

— Ну и? Что там у тебя? — она все еще злится, но вижу, что лед тронулся.

Пытаюсь собрать воедино все то, что нужно сказать. Для Дарины лучше давать информацию избирательно. Максимально аккуратно. Тем более, когда она так накалена.

— Мам, — Арина просовывает голову в дверной проем: — Ну я уже три лифта пропустила, пока ты идешь. О, пап, — дочка улыбается: — Ты с нами?

— Прости, звездочка.

— Тогда мы пошли, — дочь тоже выказывает недоволь-

ство, самые любимые женщины давят со всех сторон: — Мам, — она берет Дарину за руку, вытаскивая из номера: — Афрокосички сами не заплетутся. Идем.

И достались же мне девочки с тяжелыми характерами.
— Вечером все обсудим, — провожаю жену взглядом: — Я люблю вас.

Они молча скрываются из виду, а я закрываю за ними дверь. На душе как-то пусто, а еще тревожно...

Из недр нарастает и нарастает паника, и унять ее никак.
Прохожусь взглядом по договору, через полчаса созвон, отвлекусь на работу. И все. Больше не вернусь к ней, пока мы не приедем обратно домой.

Дарина права, в этой гонке за деньгами, я могу потерять их. Хотя... Дари не всегда замечает, как сама пропадает на работе до ночи. Но да ладно...

Здесь, в отпуске, она полностью посвящает время Арише.
Дочитываю последние пункты договора, когда в дверь стучат. Забыли что-то?

Карточку от номера, наверно.
— Привет, — открываю дверь и вижу на пороге совсем не то, что хотел бы.

Карина, прислонившись к косяку, накручивает на палец локон волос.

— Что ты здесь делаешь?! — ее выходка бесит меня.
Я зверею, хватаю девушку за локоть. Она даже не ожидает от меня настолько бурной реакции.

— Быстро собирай свои вещи и первым же рейсом отсюда подальше. Поняла?!

— Маратик, — она дует губы, устраивая дешевый спектакль: — А я к тебе... Дядя Леня сказал, что ты меня ждешь. Дядя Леня... Чтоб его.

Не жду. И не ждал никогда.

Слышу звук подъезжающего лифта, внутри сердце клочется. Хватаю девушку, тяну на себя, чтобы она оказалась внутри.

Мне не нужны лишние глаза, вдруг это горничная... Или соседи, с которыми мы уже успели познакомиться.

А самому блевать охота. От всего. Я никогда не понимал мужиков, которые устраивают себе такие приключения, как измена, а потом всю жизнь как на пороховой бочке.

Мне это все не интересно.

Карина мое “приглашение” расценивает иначе.

— Я так и знала, что ты хочешь меня, — улыбается: — Долго ты держался. Я готова, — она начинает снимать кофточку, демонстрируя свой бюстгальтер.

— Оденься! Быстро!

— Нет! — она хватается меня за плечи, целует снова, как тогда на даче.

— Хватит! Нельзя. Тебе как собаке место указать?

Я больше не могу... Меня кроет.

Ее глаза наполняются слезами, она бежит внутрь номера, падает на кровать, начинает рыдать.

— Ну я же люблю тебя! Ты разве не видишь?

Дело плохо... Истерика это еще хуже.

— А ты? Как ты так можешь со мной? Я к тебе всем сердцем... Марат, очень люблю.

— Ну это же полный бред, — я сажусь рядом, устало тру лицо: — Ну а какой любви ты говоришь, Карин? Мы толком то и не общались ни разу.

— А мне и не нужно. Я и так знаю, что ты самый лучший.

Тупость. Девичья глупость в силу ее возраста. Во мне даже на секунду просыпается что-то братское, похлопываю плечу девушку.

— Ты встретишь нужного человека в своей жизни. Я когда-то встретил жену, поверь, я никогда и ни на кого ее не променяют. Дело не в том, что с тобой что-то не так. Ты симпатичная девушка, просто я... Я однолюб. Один раз и на всю жизнь.

— Я тоже так хочу! — она поднимает на меня свои заплаканные глаза: — Но с тобой.

Надежда гаснет. Говорить тут не с кем.

— Марат, ты самый лучший. Я еще раз в этом убедилась, — она пользуется моим замешательством и залезает на колени.

Хватаю ее за бедра, стягиваю с себя, но она больно мажет ногтями по телу. Пока я шиплю, она уже касается моих губ.

Я замираю всем телом, видя, что девушка оголяет грудь, облизывает мои губы... Еще сильнее сжимаю ее бедра, желая

снять с себя.

А потом застываю от дикого страха.

Мне кажется, или в коридоре мелькнуло лицо Арины...

Нет. Мне кажется.

Но все хуже, я слышу их голоса, а потом вижу четко жену и дочь.

Занавес. Я по уши в дерьме.

Глава 25

Ступор в то время, как эта малолетка елозит на коленях, подставляя свою шею, а я буквально в полной некондиции признать произошедшее.

Наконец, осознавая, что по-хорошему уже точно никак, толкаю эту недоделанную соблазнительницу.

Смотрю на Дари, пытаюсь найти в ее глазах хоть что-то, а там будто стальной лист.

Вижу, как рвано дышит грудью.

Будто в тумане слышу все звуки, которые они издают. Наблюдаю, как невменяемый за дочерью, которая лезет к этой малолетней девице. А та отвечает полную ересь, разыгрывая этот гребаный спектакль.

Словно обездвижено пялюсь на жену, которая готова сейчас перегрызть глотку этой дряни. Как сквозь вакуум до меня доходят слова, обращенные к дочери, и я чувствую, как внутри поднимается ярость.

Столбенею от того, что даже, сука, поверить в происходящее не могу.

Дарина орет, а я хватаю эту чертову идиотку и тащу на выход.

— Чтобы. Больше. Я. Тебя. Не. Видел. — цежу сквозь зубы.

— Марат, но... — начинает скулить, а моя рука маши-

нально с силой сжимает ее щеки.

Ощущение, что я готов стать убийцей. Это жестко и жестоко, но такой гнили даже по роду деятельности я еще не встречал.

— Последний раз повторяю — исчезни. — округлив глаза ревет, но нехотя кивает: — С родственником твоим я тоже поговорю.

Убираю руку, буквально отталкивая его подопечную, и стиснув зубы, возвращаюсь в номер.

Оказываюсь внутри, а они на меня не смотрят, будто не видят, или я так воспринимаю то, что происходит между нами в последнее время.

Дарина не выдает ни одной эмоции, а в голове набатом бьет мысль, что ей плевать. Сдался ты ей, номинальный муж, который пропадает на работе, как отголосок тех времен, когда развод считался чем-то выходящим за рамки норм.

Пытаюсь разглядеть что-то в ее светлых глазах, но там невозмутимость, она ведь даже не плачет. Что моментально разжигает внутренний пожар и цепляет эго и самолюбие. Хочу, чтобы Дарина послушала и поняла, но она ведь делает противоположное!

Сжимаю кулаки, и пытаюсь не сорваться, но ощущение, что тумблер упал.

Рычу на нее, пытаюсь вызвать на эмоции, тот единственный вариант, за который сейчас могу ухватиться. Иначе просто не знаю, что могу еще делать.

 Упасть в ноги и

молить, чтобы поняла всю абсурдность ситуации?!

Какое на хрен расстройство, если ведет себя словно снежная королева!

Ехидничает!

Уехать она собралась!

И даже не интересуется, насколько вообще все это правда?!

Чтобы я привел девку в номер, где отдыхаю с семьей! Где максимально старался быстрее решить вопросы, чтобы провести время с ними! Где, черт ее дери, мы буквально два дня назад сами занимались любовью!

Это насколько же ей плевать?!

Что она хочет показать?!

Прикрываю глаза и понимаю, что пойду на этот идиотский поступок, только чтобы разглядеть ее любовь.

Как крик отчаяния, когда ты думаешь, что человек, ради которого ты готов лишиться жизни, ему параллельно твое нахождение рядом.

Признавать горько, а внутри молотит внутренности от всего происходящего.

Я ведь, мать его, даже не чувствую ничего, когда другие рядом, только от нее волосы электризуются, пуская ток по венам.

А она...она готова забрать дочь и уехать, подать на развод, и вычеркнуть из жизни двадцать лет.

Хреначу все, что попадает в номере, пытаюсь хоть

немного сбавить градус собственной неадекватности, но не получается.

Демоны будто вышли наружу и ушли в пляс.

Я не знаю, как с этим справляются другие, но и не представляю, чтобы женщина сначала хотя бы не попыталась разобраться.

Поэтому, единственное на что я могу надеяться, когда поухнут наши эмоции, мы сможем поговорить, и таки понять друг друга. Она - это нелепое недоразумение, я - причину ее холодной сдержанности.

Отчаянно хочется, черт возьми, верить в то, что мы сможем держать огонь горящим в нашем камине.

Пусть даже сейчас душа леденеет, от того, что они закрываются в комнате, и не хотят меня видеть, обе.

Дочь...та малышка, которая дарит мне долбанную силу супермена. И как только можно додуматься, что я пойду на то, что расстроит девочку, в которой я души не чаю?!

Когда я до помутнения хотел от нее детей, а она с этими постоянными «не сейчас, не сегодня, потом, подумаем, посмотрим».

На что смотреть...

А может быть я идиот, не понял сразу, тогда еще пять лет назад, что она не любит...

Проглядел, хотел верить в иллюзию, что у меня в семье все хорошо. Что я отличаюсь от половины партнеров и бизнесменов, что мать его, до сих пор торчу от собственной же-

ны.

Тру с силой лицо, осматривая результат своих погромов, и вылетаю из номера. Если сейчас буду знать, что она за стеной, не смогу молчать.

Сделаю хуже и обижу ее. Точнее даже нет, мы просто добьем друг друга.

Беру телефон, тут же набирая Берестова, пока еще kloкочущая ярость разрывает вены.

— Маратик, — тянет он с улыбкой.

— Какого, мать твою, хрена?! — цежу в трубку.

— Оу! Ну ты так давай не разговаривай, друг мой... — настораживается старый отморозок: — Я же говорил сюрприз будет. Ты разве плохо меня понял?

Прикрываю глаза, чтобы только не убивать отдыхающих людей грозным взглядом.

— Леня! Завязывай подкладывать мне свою... — я даже слов подобрать не могу.

— Так я вообще не причем, я предложил, сказал по пьяни, а она хоп! — пытается свалить на мир вокруг, как обычно.

Классика жанра по Берестову.

— Слушай, мне плевать, чего там хочет она, ты, Люда твоя. Плевать. Больше видеть я ее не хочу. — пытаюсь размеренно дышать.

— Так... — он явно куда-то уходит или двигается, что-то безбожно шуршит в трубке: — Ты, дорогой мой, берега то не путай, да? — хмыкает с издевкой: — Я иначе тебе все въез-

ды закрою. А машинки встанут на простой, груз заказчику и не доедет. Потеряешь, дорогой, миллионов так пятьдесят, не считая неустоек по контрактам. Так что, коней попридержи и позвони, когда в нормальном состоянии будешь.

Отчитывает меня как пацана, а я бессильно рычу. Пытаюсь, мать его, принять, что он еще и угрожает из-за этой дряни.

Не знаю, сколько брожу по территории старательно приводя мысли в порядок, да только нет там никакого порядка.

И кажется, это уже невозможно.

Возвращаюсь в номер, и вижу их... в мозгу бьет одно - надо дать время.

Решать, что делать.

Самому, и чтобы она подумала.

А дальше пытаться доказать, что ни хрена тут не было! Что единственное, что было, это тот, черт возьми, детский секундный поцелуй на даче.

Глава 10

— Мам, — Арина подбегает ко мне, утопая в объятиях:

— Он навсегда ушел?

— Ариш, — целую в макушку, волосы дочери вкусно пахнут клубничным шампунем, успокаиваюсь, прижимая ее плотнее к себе: — У твоего папы тяжелой период. Он говорит не всегда правильные вещи, но не бери на свой счет, хорошо?

— Он теперь обидится на меня..., — она начинает плакать: — Я его прогнала. Он подумает, что я его больше не люблю. А я очень люблю, мамочка!

Ее завывания рвут душу, руки немеют, а кончики пальцев покалывает.

Обычно за ребенка ты готов порвать весь мир, уничтожить каждого, кто косо посмотрел на твое чадо, но что делать когда вредит родной человек. Тем более, когда он для нее центр ее маленькой вселенной.

Перевожу дыхание, собираясь с мыслями. А я ведь тоже хочу закричать, топнуть ногой, заплакать. Только не могу, ведь нас двое, и взрослая здесь я.

Я знаю, что есть модели в семье, когда мать или отец сдают позиции, а ребенок перенимает на себя модель поведения взрослого человека и начинает нести ответственность. Я все свое детство и подростковый период видела детей, которые

только выглядели на свой возраст.

А по факту они были взрослыми людьми в маленьком тельце. С большим грузом ответственности за себя, с большой болью и разочарованием в мире.

Поверьте...

Когда от вас отказывается человек, который по идее должен тебя любить всю свою жизнь, это невозможно пережить. Боль то утихает со временем. Но не проходит.

И я не имею право отбирать у своей дочери детство. Свое я уже вернуть не смогу, поэтому я должна быть сильной ради нее.

Да! Именно должна.

Такое ненавистное всеми пресловутое слово, от которого хочется стиснуть зубы и сжать руки в кулаки.

Быть должным это лишать себя свободы. Но я не одна. Я не могу предать своего ребенка, как когда-то меня предала моя мать, оставив на пороге взрослой жизни еще крошечной малюткой.

— Ты же помнишь, я уже говорила тебе, Ариш... — приподнимаю обеими руками лицо дочери, в глазах грусть и тревога.

Она винит себя, это происходит неосознанно.

— Папа тебя не бросит. Он может уйти от меня, он может забыть про меня, но ты... Ты его звездочка. И он вернется к тебе всегда. Он очень хотел дочь, Ариш. Когда я только тобой забеременела, он пришел и сразу сказал, что ждет дочку

Арину. И точка.

— Тогда как он может делать больно тебе зная, как ты важна для меня? — такой взрослый вопрос от маленького человека сбивает с толку: — Разве ему не важно то, что важно для меня?

— Ангелок, папа запутался. У него есть претензии ко мне, и мы с ним решим этот вопрос. Но к тебе нет никаких вопросов. Ты была, есть и будешь лучшим в наших с ним жизнях. Неважно вместе мы или порознь.

Я уже говорила ей эти слова ранее. Но маленькое сердечко переживает, поэтому если нужно повторять несколько раз, я буду это делать. И я поселю в ее голову мысль о том, что нет никакой вины на ней. И никогда не было.

Конечно, я считаю, что Марат не просто запутался. Он вышел из ума. Но разбираться с его головой я не собираюсь. Я не спасательный жилет, который должен вытянуть его, тонущего в этом дерьме.

И тут можно воскликнуть: “А как же так? Разве мы не должны помогать своим близким?”

Я готова была бы ему помочь, приди он ко мне и честно сказав все претензии. Но он решил устроить спектакль, который произвел на меня обратный эффект.

Я не почувствовала за собой вину, как он хотел. Зато стала презирать его.

Стараюсь уделить дочери по максимуму времени, мы играем с ней в приставку, одевая каких-то кукол в разные на-

ряды.
 Потом она просит пройти с ней пару уровней в новую игру про Гарри Поттера, которую отец подарил ей на окончание четверти.

Я не запрещаю ей сегодня долго сидеть за играми, потому что ей нужно отвлечься. И мы даже заказываем две жирные пиццы, обедаясь ими на отвал.

Ближе к полуночи она все же засыпает на диване, я ее бу-жу, аккуратно, чтобы она перебралась к себе на кровать.

Марат бы ее сейчас поднял на руки и уложил бы спать. Но я не мужчина, поэтому будить все же приходится.

Она в полудреме идет с закрытыми глазами, тут же падает на свою подушку и засыпает.

Я возвращаюсь на кухню, убираю пустые коробки из-под пиццы, наливаю себе бокал белого, устраиваюсь за столом и, наконец, даю себе время побыть в тишине.

На телефон падает смс с неизвестного номера, свайпаю уведомление, чтобы открыть сообщение.

“Добрый поздний вечер, Дарина! Это Ярослав. Леся рассказала про вашу историю, и я не смог дотерпеть до утра. Знаю, что непрофессионально писать ночью и каюсь, но я готов с вами встретиться и обсудить детали”

Я улыбаюсь впервые за долгое время. Его сообщение меня рассмешило.

Делаю глоток, чувствуя кислинку, и печатаю ответ.

“Не корите себя, Ярослав. Вы очень вовремя, я как никогда хочу скорее разорвать любые отношения с мужем. На

неделе отпишусь вам по поводу точного времени”.

На носу важное мероприятие, я понимаю, что я обязана туда прийти с Маратом.

Наш бизнес завязан на тесном общении с людьми. И его и мои связи с людьми очень важны. Позволить просто прийти одной, сказав, что я развожусь с мужем...

Нет, это не поймут.

А еще я понимаю, что Марат действительно не даст так просто развод. В любом случае, у нас будет суд, но как же не хочется всех этих разбирательств, ведь это скажется на ребенке.

Я уверена, что муж спокойно не уйдет. И он сам об этом открыто заявляет.

Любит он... Идиота кусок.

Так любить нельзя, это болезнь.

А как правило, болезнь можно вылечить.
Вот пусть и лечится в объятиях своих...

Глава 26

Удивленно смотрю на мигающий экран, пока доктор делает записи у себя в журнале, хотя давно все уже перешли на электронный формат документооборота. Но именно этот доктор вела меня, когда я была беременна Аришей, женщиной старой закалки, мне нравится ее подход к деторождению.

Поэтому и в этот раз я решила обратиться к ней.

На экране высвечивается контакт Людмилы Берестовой. Почему меня это удивляет? Ну все просто... Она мне звонит раз в год от силы, а сохраненный номер — это простая формальность, так принято в деловом мире.

У тебя всегда должны быть важные номера, чтобы знать к кому обратиться за помощью.

— Вы можете ответить, — доктор спокойно улыбается мне, когда я во второй раз сбрасываю звонок.

— Ничего страшного, подождут.

Надеюсь Людмила не обидится. Хотя в глубине души мне плевать.

— Надумали, что делать с ребенком будем? — женщина стучит шариковой ручкой по плотной бумаге, отбивая ритм, — Оставляем или...

— А есть еще время подумать?

— Дарин, если не уверена, не рискуй, — ее переход на “ты” меня вовсе не смущает, — Потому что самая худшая

мать — эта та, которая не ждет свое чадо.

— Я понимаю, просто из-за семейных обстоятельств я не до конца могу разобраться в своих чувствах к ребенку. Мы с мужем развелись.

— Надо же, — она сердечно удивляется, — Никогда бы не подумала. У меня опыт то богатый, семьей в своей жизни много повидала, и ваша уж точно не была похожа на ту, что распадется.

— Ну всякое в жизни бывает, — пожимаю плечами, не желая вдаваться в подробности.

Клавдия Васильевна — мудрая женщина, дальше позволенного не лезет.

— Дам тебе еще неделю, хорошо? Не тяни. Понятно, что и на более поздних сроках аборт сделать можно, но в твоем случае не нужно.

— Почему?

— Я не пугаю тебя, девочка. Но есть вероятность бесплодия, это нередкий случай после аборта. Арина тебе не далась совсем легко, поэтому ты не из тех, кто рождает по десять детей. Упомянуть господу не стану, но аккуратнее.

— Я вас поняла, — киваю, вставая со стула. Телефон снова оживает, раздражая перепонки.

Перехватываю из рук Клавдии Васильевны список витаминов, что уже пора принимать. Прощаюсь с ней, отвечаю на звонок, попутно вешая на плечо сумку.

— Дарина, — голос Людмилы звонок и весел: — Я так

рада, что мне удалось дозвониться до вас.

— Я была у врача, не могла ответить.

— Ой, что-то серьезное?

— Нет, обычный плановый медосмотр.

— А, ну это правильно... Полезная вещь. Меня вот Лечка тоже возил раньше в Карловы Вары на всякие осмотры, а сейчас со всей этой ситуацией... Чую, что следующая остановка — Кисловодск или Минеральный воды.

— Говорят, там вполне хорошо себе.

— Может быть, — ее треп меня утомляет, но я из вежливости продолжаю беседу.

Выхожу на улицу, снимая машину с сигнализации. Забираюсь в прохладный салон, слушая женский треп о том, как ей хорошо было чистить свои перышки в Европе.

Бросаю телефон на торпеду, даже не включая на громкую связь. Ее голос и без этого из динамиков хорошо слышен. Включаю печку и завожу машину.

Время забрать дочь с тренировки, но не сегодня... Арина все еще с гипсом, слоняется по дому на костылях и не может найти себе место. У нее много энергии, а сейчас тратить ее некуда, от того и тяжело ребенку.

У меня тоже не получается уделять ей достаточно времени из-за подготовки к Миланскому показу. А Марат... Знаю, что часто звонит Арине, но не часто приезжает. Свои дела куда важнее.

— Ой, что-то я заболталась, — усмехаюсь над репликой

женщины: — Я вообще-то по делу звоню.

Понимаю, что сейчас мне нужно будет вступить в диалог и снова прикладываю телефон к уху.

— Я организую женский благотворительный вечер, Дарина. Хотела бы, чтобы вы приняли участие в нем. Каждый раз вы отказывали... Понимаю, вам неинтересно это. Но я бы хотела, чтобы вы поделились своим женским успехом с другими дамами. Ведь так важно оставаться одним целым, когда все еще правит мужской мир. Правда же?

Меня забавляет, как она пытается делать вид, что ей есть дело до женских прав и свобод. Уверена, если бы перед ней стоял выбор идти работать или остаться на попечении у мужа... ну, выбор очевиден. Я не осуждаю, никогда не стала бы. Это выбор человека.

Просто я из другой стали.

— Людмила, я бы с радостью, — вру: — Но сейчас много работы, не уверена, что найду даже свободные полчаса.

— Дарина, — она вздыхает: — Помогите мне, — и вот из ее голоса уходит вся веселость: — Мне уже три спикера отказали. У всех какие-то дела, проблемы... А этот вечер, это единственная моя отдушина. Прошу вас.

У нее настолько разбитый голос, что я начинаю испытывать реальное сочувствие. Абсолютно не притворное. Да и не умею я притворяться.

— Людмила, у вас все хорошо?

— Нет, — быстро прилетает ответ: — Дариночка, не ста-

ну вас грузить своими заботами. Буду признательна, если вы поможете.

И ее Дариночка так по-матерински звучит, что я сдаюсь, соглашаясь.

— Ой, как хорошо, спасибо вам большое! Передавайте Марату привет. Как у него, кстати, дела? — она переводит тему.

— А разве вы не в курсе, что мы разошлись с мужем? — хочу добавить, что из-за одной юркой племяшки, но понимаю, что вины Людмилы в том, что муж оказался таким... Нет.

— Нет... Откуда ж я могла знать. Он оборвал все контакты с Ленею. У них, если честно, громкий скандал разразился. Я мужа таким злым не видела никогда.

— Как это оборвал все контакты?

— Не знаю, что произошло, но Марат не желает разговаривать. Надеюсь, что у него все хорошо.

Непроизвольно, но тревога сама по себе уже орудует где-то в груди. Я ее не звала, а она пришла, заставила мое сердце стучать чаще. Чтобы между нами не происходило, но он не чужой человек. Далеко не чужой.

И я даже себе вчера ночью, впервые, смогла признаться, что скучаю, когда плакала, обнимая его подушку. Меняла постельное белье, а наволочку его так и не смогла заменить.

Фантомное присутствие мужа в нашей постели — это акт мазохизма. Но я... Мне не хватает нас иногда.

После того, как я заканчиваю разговор с Берестовой, тут же набираю Марата. Не знаю, просто спрошу, все ли у него в порядке. Услышу голос и пойму по его интонациям, как он.

Однако, неприятно удивляюсь слыша в трубке женский голос, который сообщает, что абонент недоступен.

И вот тревога уже не просто орудует внутри, а по-хозяйски вытягивает ноги и устраивается поудобнее.

Глава 11

Бессонная ночь дает о себе знать, а я так и не представляю, что делать.

Вчера пока крутила все наши моменты, как он ухаживал, как вместе сходили с ума, прогуливая учебу. Как признавался в любви, будто это само собой разумеющееся.

Даже сейчас видя эти картинки из прошлого, удивляюсь и как можно было быть таким уверенным.

Но в этом весь он. Порой может быть циничным в силу бизнеса и определенного круга общения, а порой настолько нежный, что даже в душе щемит.

И теперь я теряюсь в догадках, как реализовать свою мечту, учитывая то, насколько наше общение сейчас напряженно. Да и более того, я даже стоять рядом с ним не хочу.

А на вечере он будет со мной...

Конечно, может быть, у него найдутся дела поважнее... например осчастливить свою девицу фейерверком чувств.

Правда, в обязательности Исакову никто не ровня.

Этот человек, если сказал, значит сделает. Это же можно и отнести к нашему разводу.

Протираю лицо, в сотый раз снимая блокировку с телефона.

Через несколько часов нужно быть уже готовой, а я не могу собраться с духом, сидя перед зеркалом туалетного стола.

Набираю до боли знакомый номер, слушая гудки, и прокашливаясь.

— Привет... — тяжелые интонации Марата тут же навевают желание спрятать всю тоску.

— Сегодня мой показ, я бы не хотела, но придется идти вмес...

— Я помню как это важно для тебя, Дарин. Заеду в семь. Перебивает с тяжелым выдохом. Честно говоря, не ожидала, что он не будет манипулировать или снова срываться. Ведь наверняка считает, что я настраиваю Арину против него.

Была бы и рада появиться на вечере одна, но это окружение похуже коршунов, и все знают, кем является мой муж.

— Мы встретимся там. — со стеклянным взглядом смотрю в свое отражение, но не вижу его: — Сообщи, как будешь на месте. — Ты дождешься меня, если не хочешь, чтобы вместо твоих платьев обсуждали нашу личную жизнь.

Бросает он напоследок, наверняка стиснув зубы. Хочу ответить, но по тишине в трубке, понимаю, что он сбросил звонок.

Прикрываю глаза, делая глубокий вдох. Нужно пережить лишь несколько часов, разве это для тебя сложно? Говорю сама себе, и потихоньку наношу крем для лица.

— Дарина Витальевна... — когда я уже накладываю тон, слышу стук в дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.